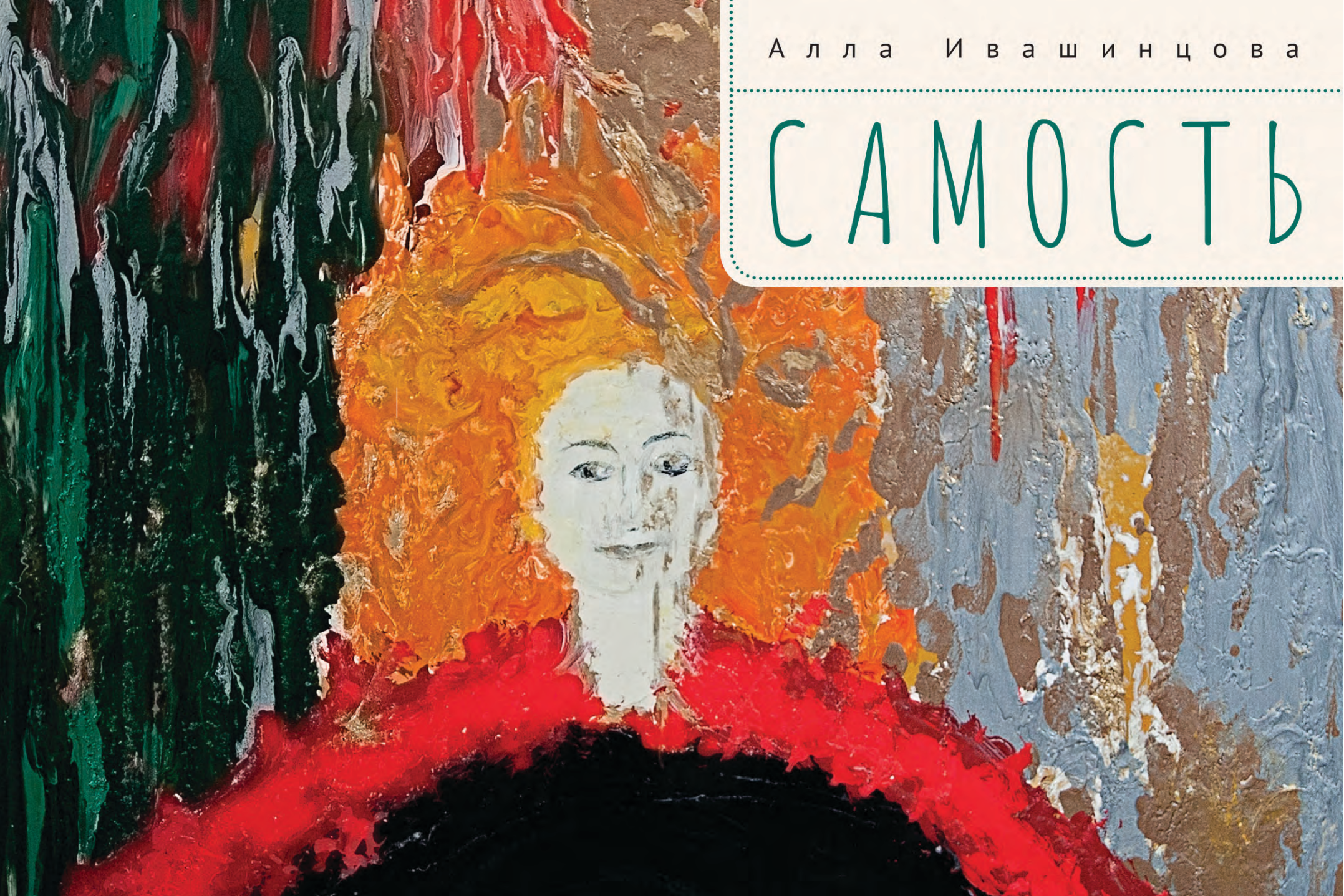

An abstract painting featuring a central, pale, and somewhat featureless face. The face is surrounded by a thick, textured halo of bright orange and yellow. Below the face is a broad, vibrant red band. The background is composed of various textures and colors: dark green and black on the left, and grey, brown, and blue on the right. The overall style is expressive and painterly, with visible brushstrokes and a rich, layered appearance.

А л л а И в а ш и н ц о в а

САМОСТЬ

с е р и я

СЛОВО И ЦВЕТ

Леонид Завальнюк
«Слово и цвет. Сто стихов — сто картин»

Даниил Соложев
«Звучание света. Поэзия живописи
и живопись поэта»

Саша Немировский
«Предисловие к мирозданию»

Алла Ивашинцова
«Самость»

Моему мамашину
возлюбленному.

А л л а И в а ш и н ц о в а

САМОСТЬ

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде всего хочется разобраться с названием этой рукописной книги, так как оно определяет основной вектор, заданный автором. Само слово немного обманчиво. Оно маскируется под древнерусское, хотя имеет совершенно другое происхождение. Приведу выдержку из Википедии: «Сáмость (нем. Selbst — «сам», собственная личность) — архетип, являющийся глубинным центром и выражением психологической целостности отдельного индивида. Выступает как принцип объединения сознательной и бессознательной частей психики и, одновременно с этим, обеспечивает вычленение индивида из окружающего его мира».

Интересно, что Юнг и Фрейд по-своему трактовали понятие самости. Главное различие теорий самости Юнга и Фрейда заключается в их понимании отношения между самостью и эго. Так, Фрейд считал, что бессознательное постоянно угрожает сознанию, но у здоровой личности возможно сотрудничество, хотя никакой пользы от этого не будет. Юнг придерживался другой точки зрения: он полагал, что бессознательное может обогатить эго, если только не переполнит его. Он писал о «диалоге» между эго и бессознательным/самостью, в котором оба участника имеют «равные права».

Симбиоз поэзии и графики в творчестве Аллы наглядно демонстрирует тесное переплетение двух этих версий самости. Импульсы подсознания маркируются вполне зримыми образами, сознание порою ускользает в область потустороннего, вневременного.

Однако самость – это не только термин психоанализа. В.В. Виноградов в своей «Истории слов» отмечает, что это слово в значении самобытность, индивидуальность, самостоятельность, личность широко употреблялось В. Г. Белинским. В 50–60-х гг. девятнадцатого века слово самость применяется для выражения внутренней обособленности личности или социальной группы, их эгоцентрических свойств или самобытной отличительной природы чего-нибудь. И, наконец, Ф. Филин в статье «Методология лингвистических исследований А.А. Потебни» пишет: «В основу своей философии он [Гумбольдт] кладет положение Канта об априорности и самости духа».

Эта книга предназначена для медленного чтения. Именно поэтому я рекомендую только в крайнем случае заглядывать в расшифровку рукописного текста, обманчивая простота которого временами притворяется бытийной, по сути являясь глубоким исследованием мироздания.

Д. Ивашинцов

Адам и Ева.

Тихий колокольчиков звон.
За тем поворотом глика и грязь:
Вода и земля - из чего Адама слепили.
Женщину Евой назвали,
у Адама в ребре уместили.
Разводил Создатель руки,
измерить хотел он женские сучки.
В тёмном сознании Адамовой скуки
формы сапч собой округлялись,
и руки
в позах своей мучи
искали своей поразенье.
Значога оплести лишь выковама,
шипенье болтнула о гуде соблазна.
Еве внакам везло - белая кость!
Гуде созданы при Еве всегда.
Сад Эдем останется во снах,
круговертихо обернётся грех.
Греется ко солнцу змей,
сам себя кусает он за хвост.

Белая берёза,
выгорающая
тапчужа в огненных цветах,
жизнь меняет на заре закатов,
на рассвете в синебе небесе.

Собою унося тепло,
волнообразным дымом
в сады преображает пурпуром.

Векры улетают к звёздам
и остаются там навсегда.

Души богатство,
раздавая всем
кто рядом оказался,
картинку образов
в реальность превращает.

Бессонница

Я вздрагиваю,
пугаясь шорохов и
шума птицы, взлетевшей вдруг.

Включаю экран
сбрав все звёзды в круг,
вроде бы дремлю.

Жизнь ко мне замедляет.

На старом пароходе
тихоходоко плыву.

Мокнут красные лодыжки мои,
в печальном цветке боясь увянуть.

Светильник, как маяк,
то выхватит что видать не могу,
то погружает всё в тьму,
где образы незрячие молкнут.

Исчерпав призмам круг,
чувствуешь и покидаешь,
как неужель жизнь идёт.

Бог секью Вечности
бессонницы трепетать может
заглохнет...

Блаженный день -
в осеннем сумраке алая
солнца луз,

он добр, подкрасил
листья в убавенье.

Ветер стихший звёздную
ночь подарил.

Мне не уснуть!
И спать порою страшно вато.

Во сне я собираю нужное глго,
по белому долготу полю иду...

Вдали там свет, там пламя.

Утешась бы Бредберн там повстрасать,

со своими друзьями он книгу метает,
ту, что читаешь, переживаешь и вздыхаешь.

Собрать в свою сферу поющие струны души и трироды,
время заедать перед тем, как начать уходник
по белому свету, неизвестно куда...

Будемте шеш!
Ошкуда мы знаешь
про гёрные перья у белой птицы?
Про её перьяны в поднебесии светлом?

Лешати слова,
на сердце оставляя знаки.
В широкых ритме отбивают буквы.
Рифмы за руки держат смел.
Циклами словобесы на спираже
И... ничего нового не написали.

Оглядываюсь на тек своего нигде,
не понимаю, что нуiero будоражили.

В бесконечных желаниях
чего-то ещё
на белом листе
гёрным рисункам
ниг и то.

Была бы воля моя,
скакала бы на коне бешеном
в ту степь, где никнет трава,
укрывая страдалицу-землю.

Вобрал в себя боль её,
лежала бы степная.

Конь ходил, голову касаясь земли,
траву ел и не смал.

Жил ещё жаворонок пел,
в небесах удерживая нитку.
Ищет для гнездовья нити,
чуточка сматывал нити.

Это моя сторожа,
завыл по ней зигзагом летишь,
страх его гонишь.

Это моя сторожа, все беды-жалы мои.
Твоего живу, повернись надо.
Меняет время жизнь.

Было ли это? Был ли тот дом,
дрянкой покрытый, с перекосенным
времяем бытом, стояла ли печька
с готовящейся мирз согревать,
горящими углями всю себя отдавать?
Улыцо при шуменьки,
в сенях висела коса, она иногда
косить уходила. Тогда тропинка была
то ли к пруду, то ли к яме большой,
то ли в пещеру,
хоть какой-то тазик с водой
для мыла, на котором глаза
все в небеса глядели.
Где все те ноги,
что за больники сном восседали,
своими руками строили жизнь,
а она
то ли та, то ли эта
отомла ближе к лесу.
На большой полочке их ижека прописали.
Увидишь ошветари, зима снег рассыпала.
Стужа забвения большого.

В Космосе времени нет.
 Нет его рядом, его нет вообще.
 Только нескончаемый перешед в колбе,
 только события целкают в лоб.
 А ещё застревают в горле комом,
 Космос внутренний создавая,
 создавая орбиты,
 на которых кружатся спутники,
 в обихде Космосе оставляя след.

Внять природе,
 услышать камня звуки,
 припомнившие,
 растягивать секунды,
 чтоб его понять.

Пережить руками минералы,
 пережить галсы
 и сердцем искать в унисон.

Мир в бесконечности,
 прыгнем с карусели.
 Прежде мы были друзьями,
 друзьями стали опять.

В надежде на случайность
границы невозможного блёк.
Что хочется увидеть?
Скажу не всё.

Но вкрадывая неясные картины
не удаётся рассмотреть.
Подульвать, вникать, раскрашивать
самой.

Грядущая будущую жизнь,
за вирусный порог споткнувшись,
не смоги эгоизму удивляться.
Не развернётся вектор,
лучшего не жди,
и прошлое ошибок не простило.

Начало марта 2021 года.

В поэзии нет правды,
нет истины в словах.

Они букетом выки
морозам голову,
и том дремущем лес,
что верстаем,
как только открываемся нам,
чтоб рассказать прошлое.

Тод локоть гештолюбие толкает,
любовь к маме, что не бывает.

На выдумках любовь цветёт,
и ничего мужественнее
неи,
чем мысли рай
загнать в приоткрытые
уши.

Как у бездны на краю
однажды потеряны охоты все.

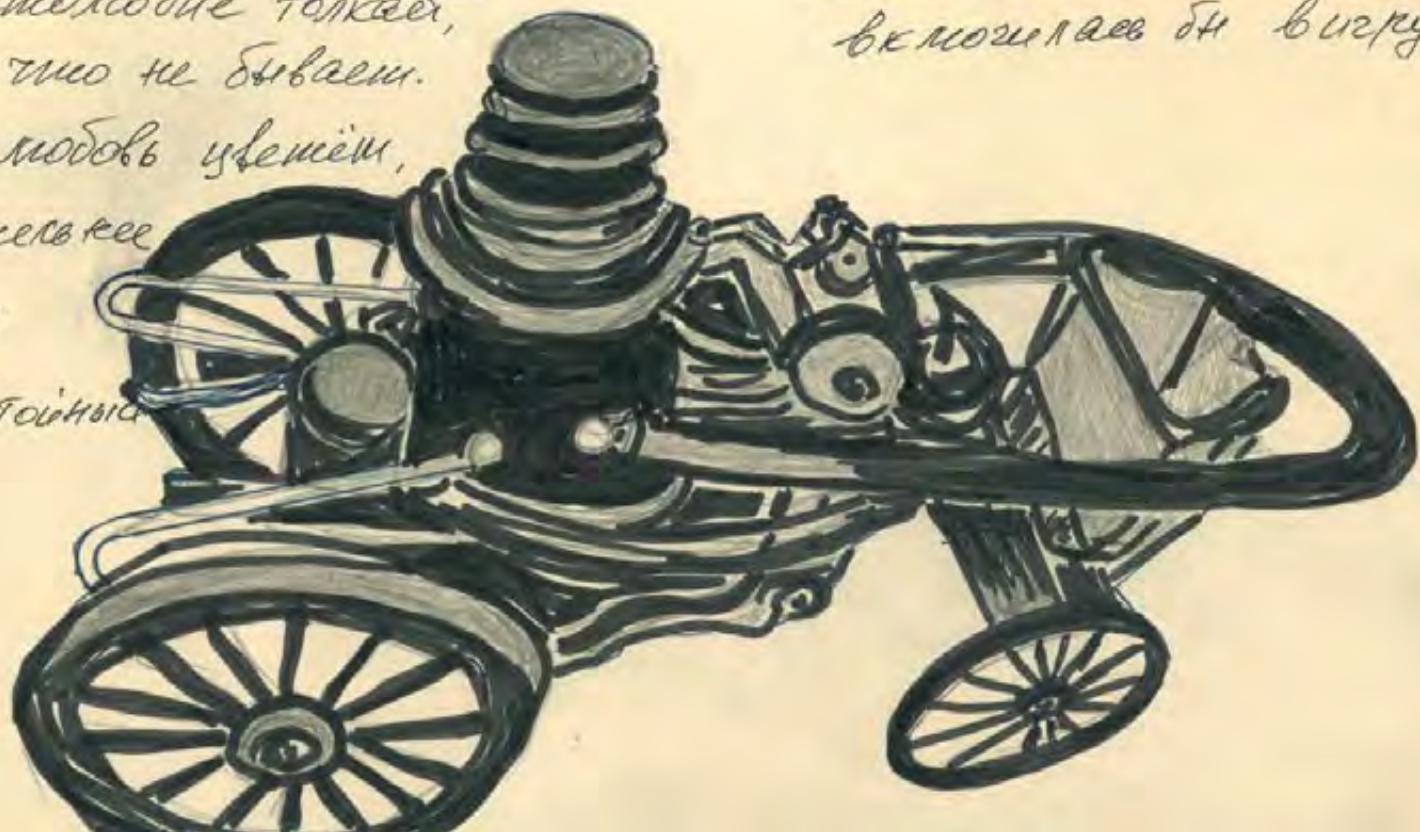
К примеру:

Я стояла справа
и не была права.

Налево уходила моя судьба.

Нажать бы маленькую кнопку
раздался бы всемогущий взрыв

Я не была бы правой,
но не стояла бы краю,
включала бы игру.

В природе благодать!
Кричу о бытии
как о победе!

Треск и шелест
на перегретом воздухе
всплеском облакам.

Мне абсолют не понятен,
а мир конечности
уже не страшен.

Закат пирует.

Тадая вшесн с солнцем.

Нось поглощаем волны
того зашфедельного илатья,
когда без ногвы и без печали
грёды на кёе вышивали
букемы мобильных роз,
а нервы кореем крепилеи,
и кружесе по
подоку илели.

В пространстве жизненном
целькают молылеками
привавшие свою земную жизнь.

Осколки метафор
для образа целого
В мозаике мира на своих все местах

Приходит ночь,
сны набегают с горящими историй,
неведанное в неизвешком там
рисует картины.

В безбрежной энергии солнечный ветер
возносит в иные миры что-то от нас.
Это всего лишь скопление мелких галактик,
но даже и так хочется повстречаться
с тем, кто дорог был здесь.

Тонкая шкаль мирооздания -
векносная нить мы в ней.

Понедельник май 2020 года.

В реке зашепчешь струи.
Осенняя листва безропотно текла.
И тут она сказала, выуживая из воды слова.

— Вчера ещё казалось,
что жизни нет, но её не будет если.
Сегодня птиц улет,
закаты и рассветы
меня влекут в таинственную даль.
Мне кажется, я птица
и знаю миг, в котором растворившая
жестокость рук и рук твоих обдаст,
я буду жить как иносказание её влечет.
Наверное смешно?

И он ей отвечает.

— Желю твоей душой, что бабочки порхают,
не прекращая удивления.
Ладожь моя открыта.

Любовь, я, если враг кому, то только не тебе.

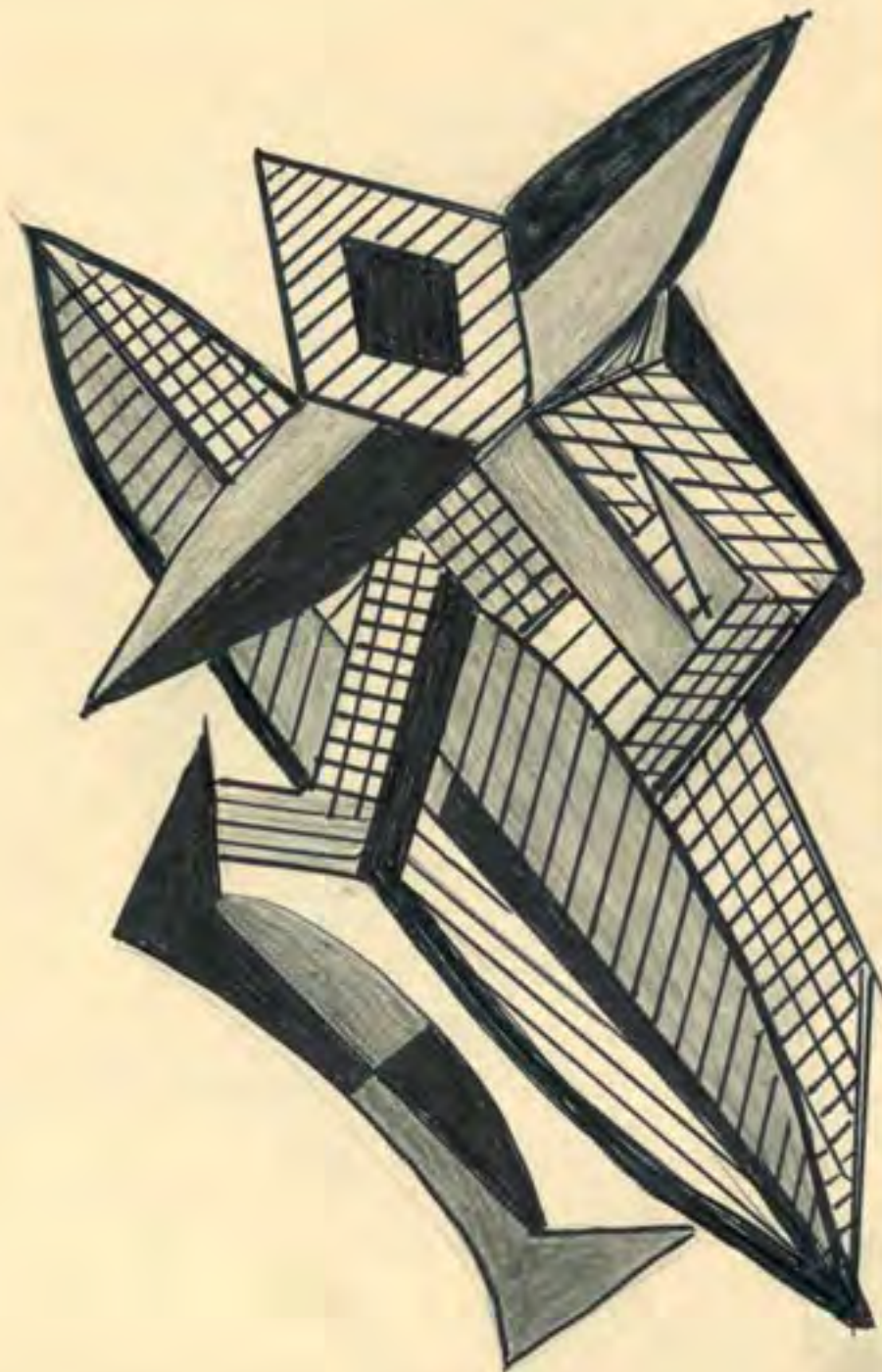
И это не смешно.

И листва, и слова река унесут к морю.

А дальше океан планктом окомнен кажит.

В сумеречной тишине,
если зажечь свечу,
в углах появляе тени,
всеми беседы будут,
может меня вовлечут.
Свеча мерцает.
Невысказанное олушает
Равнодушие не спасёт.
Одиночества нет.
Есть молчание страха.
Выкапсуе за мною,
пригубивше, совпадения,
жизнь течёт, приунывая
бытие "своих".

"И я зову Луну в своё окно ногою,
Прижмись ко мне лицом,
подушь со мною." Рэе Руми
Терсия, III век.

Варила кашу по утрам,
в окно глядела,
по облаку мелькала тень,
меня не замечала.

А ногою хотелось Луну обнимать
пока она круглой и ясной была,
и даже казалась досмущинной.

Днём солнце давало тепло,
мечталось прильнуть в бесконечность.

Бежали мы, иль тихо по жизни идём,
погнать конекной не вадимь.

И не узнашь,

были ли свисел вешивать по утрам,
варить эту кашу.

глаза в нежеса устремлять,
мозги напрягать:

погнать Луну обнимать хотелось?

Взаимность чувств,
как всплески вод,
в них погружаясь телеса,
омиленности груз, пытаясь сбросить.

Свою всеобщность потеряв,
тела вбираю тишину,
моряние рыб, вода боготню,
полоски света и что-нибудь ещё.

Асрок меж пальцев ног течёт,
как бремя сроков как уходящее тепло.
Небес радужные облачка и непрозрачно.

Но где-то там внутри
есть центр постоянного,
есть сгусток чувств,
взаимностью свой мир создав,
пропасть любви не даёт.

Так драгоценностью
становящаяся кристалл
и в обрамлении ценен.

июнь 2019 год.

Остров Керару.

Вот там сидела незнакомка,
всегда без ступенек, одна,
пьянящих мужчин
не замечала, смотрела вдаль,
что видела не понимала.

Вчерашние папины вальсы,
над головой свечильник горел,
провода оголившие,
искры преобразили пейзаж.

В далёком Париже
пьют незнакомки абсент,
лицо подтирают ладонями,
множат грёзы,
устанавливают в пущину.

Там в тумане роза в стакане.
Тем из бокала в цилиндре мужик.

Мусор в мешке
или цветов букеты —
одни незнакомки знают.

Всі пропадін в моєм окне,
не будеш до мене мені.

Заканеска какійсь на какой-то
волне: толи дух вилывал,
то ли кто-то вран кричал.

В мире вняскої науки
мож перемішат дитя загадкю,
он не твій и не мій,
он приналежить Вселенній.

Это не я сидела в саду,
распевала подвижные песни.
Мне казалось,
надо ж таки небо моє,
иначе зачем я здесь?

Вздохом от всі думи,
осознав Вселенську силу.
Губешовань буду всі живее вокруг,
и не страшно
будет незнанию.

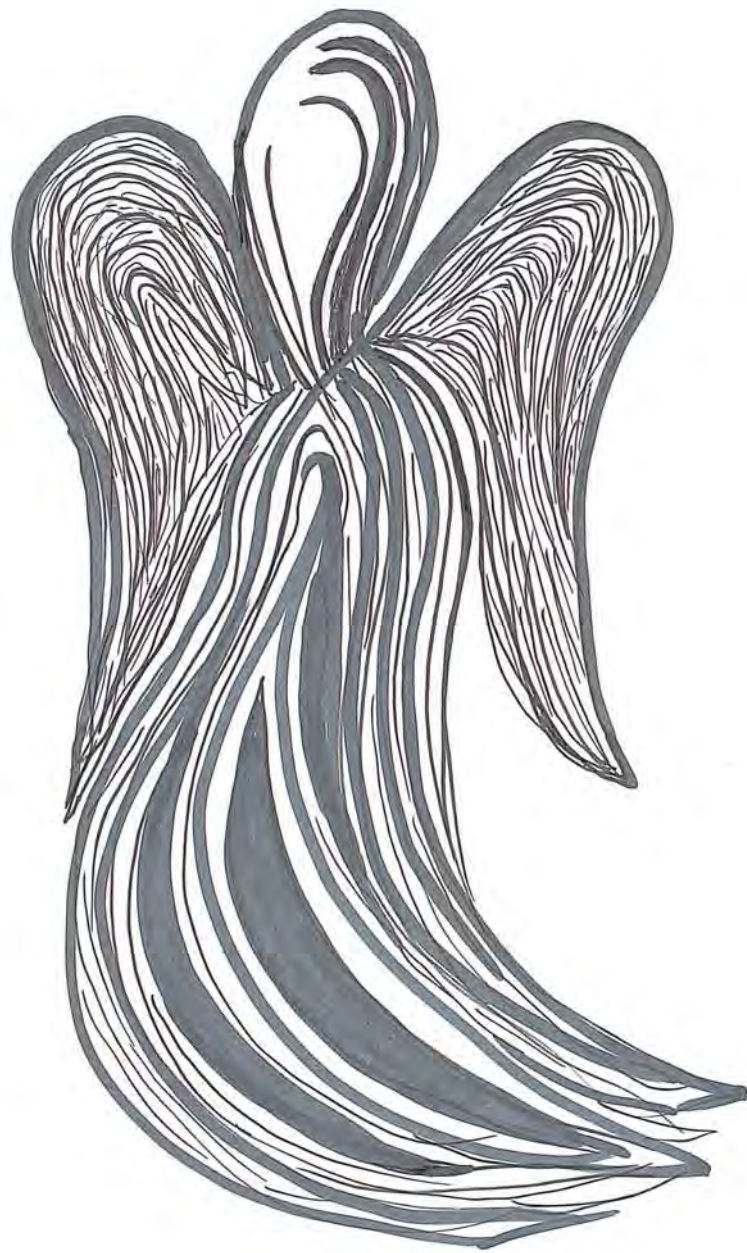
Где мои милейшие подружки?
Ушли, мне не сказав хороших слов.
Легко порвались нити ошкорошечки,
в клубок обид сплелись.

Винавата моя натура:
улыбчивость добра
рука об руку
с ушешечкой иду.
Над мелочью обид
вращает мелкий бис,
и ангелы в хорах в радужной пою.

Творить обидно,
жизнь ошкорошечка на срок корешечки,
и наблюдая сверху,
когда нить приходится
без удовольствия.

Горит свега,
горит неровно.
Тодмигивает тьма.
Огонь живой, душа живая.
Напыль картинно застывает.
Тает воск,
подсвечник слёзы собирает.
Между собой и зеркалом
свеча мигает.
Войду в тот коридор,
манящий предсказаньем.
Циркули, софиты дышат.
В шорохах видений нет ковзны.
Миг гарейсва и
рушения...

Звезда блестящая во тьме,
невидимая и далекая,
и ярким днём она не меркнет.
Созвездие моё! Храни себя!
Пусть слезы идут до розлива и до дна,
покал афанас.
Пусть сердце всею бьётся
жизнь наша утраченный.
Каждый день - закат и восход.
Каждый день - приближенье к уюту.
Медведица! Ковчег из космоса
мой благодать.
Я улечу себя в серебряном свете,
буду казаться не тем, кто я есть.
Под небом восточным, под сияющей пылью звезд
кто себя не ощущал планетой,
на которой своя волшебная жизнь.

Два серебряных бокала
беском прошлого смятом.

Тюгрю жалея в этом свет,
видишь бархатную скатерть,
в узкой вазе хризантемы,
кружевную пошлоссу
в фиолетовой экстазе.
Время, цену набавляя,
в ожидании каминного,
не идёт и не идёт.
Лишь тоска, печаль расцвет,
даль туманна, муза пламенный привет.

Два стопарика и водка,
бесконечный спор о вине,
ветер, дувший ниоткуда,
музу и стихи унёс...

Холод скуки,
механизмов скрип
затрудный,
к фокусникам
муза подалась.

Две скрипки,
одна уже волежна
и где-то снисходительна
свысоот.

Другая молодая,
с лица сонав девичью милосердность,
с ожеепожельем мастирства
из музыки характер извлекает.
А музыка в полёте перед пределом,
замирая, взлетает вихрями
мущиняных восторгов,
которые средни провалом.
Из азбуки творенья взвѣдний путь
душа из мира в мир летит.
И радости земные
перед победой музыки
себя не узнают.

Души волненье — мелковожье,
дни на исходе — онемевые.

Тонать, поймать ту точку,
где сходящая пучи, сжимающие дух
до тетева натяга
для творчества и для полёта.

Мелькнёт вдруг нишра
иль муза пролетит,
с душою слиться захочет.

Начающаяся на вешках мешья,
о поэтическом излиян.

В прояснен ои генев трудов
на ирании мощном
в недосыгаемости точки.

Уплыть в безбрежность,
раскинуть руки,
глаза упереть в себя —
просное украшение
для познавания смысла.

Если б я жила, где хотела,
выбрала бы горы и море.
А живу при докоме,
тут солнце — лучший подарок.
Вышла бы я в Астраву,
встретила б любимого поэта.
За парой ешрок его
дыхание Бога слышно.
Бог бы меня окрестил,
но враз ли улузил,
видь человек низкохсен,
кадо усилни легого, а взять их негде.
Если б у меня крылья были,
пошерела я перья все.
Тадшей тогда бы назвали,
ко мне бы милость пришла.

Если кто-то узнал или понял,
как с души одинокость снять,
он с Особой известной
встретился взглядом,
когда та поправляла косу.
Был разговор или не был,
ангел не вёл протокол.
Дверь в иное всегда приоткрыта,
хочешь входи или хоть загляни.
Ужасе ужасом не называя,
в пятна контакта с родной
или забытой всеми душой,
попадая,
в сфере высоких сил
про одиночество бессмысленно
говорить.

Если б у жабы
была пригласишь,
станцевала бы танго
с жуком майским.
Неизвестно откуда
возникают желанья.

Тихо сидеть,
хватая пролетевшую муху —
это уже вчерашний день.

Ни с того, ни с сего
заполёт ни к городу, ни к селу.

Слышит: «Не жетемаяно!»
Взор у них узкий, а у жабы
округлый, и существо она
необычное!

Жизнь — непрошенный подарок.
Будь за годом
подарок-клетка

оскартаивая меняет,
прорастает болью и божьей.

Вниз, как по течению щепка.
Вверх, как поднимается мушкетер.

Обрекая себя на труд.
Обрекая себя на старость.

Обрекая себя на уход,
зная концы про то,
откуда вернувшись говорят:

„Там где-то великая,
но всё равно где-то“.

Не веришь.

Жизнь — философия глухости
и грехи.

Журавли прокричали:
Осень!"

Гаснет жизнь уносясь.

Не засаено нигде поле,
обиды они не скрывают.

Остываем солнце
неотвращимо,
подоспевший ветер
пугает.

С тоской вперемежку
счастья им пожелаешь.

Ночью с бессонницей верной
гасит души с нами
летает.

Заката роскошь и утрата,
 крик птицы не ясно какой,
 воздух темнеет уснувшим морозом.
 Ночь поглащает волны
 того задремлого пламья,
 когда без всякой печали
 грёзы на ней вышивали
 букеты мобильных роз,
 а нервы кореет крестами
 и кружева по подолу плели.

Фрески, мечты и искупленья
 кантиком с баянником около шеи.
 С головы искрами рассыпаются мысли
 о конечности всего и всех.

Но только утром утром надену,
 без магических слов
 солнцу хвалу мою, чтобы жизнь замирая,
 в пространственной Вечности
 сохранила время, в котором живу.

Зима, свой мигу прикрывая снегом,
со светом развлекаясь,
задумала гершвальность октябрь.

Спасительный огонь —
как дар тепла,
как тага мел
к сапшю за ещѣ соотрабню.

Темнота накрывает снега,
наперекор не теребам
оки — белизны.

Нибеея открываюи созвѣздаи
бездну, икне мнры,
осутко думать о них.

Потухло закрывшись одеялом,
смотрясь сны о солнечной Всенне,
о Всенне которая краена и
неравнѣнна, белый цвет —
это трении и нежностъ
цветов.

Игра и правда
отражаются друг в друге.

На гранях,
чередующихся картинах
на картинах будущим нас
оживляет, развивает жизнь.
В беснующейся тьме-то распознать
на помощь Бога уповаем.

Несовершенство
равного пространства.
На нём несовершенные фигуры
играют Дьявола и Бога.
и соблазнительную жизнь.

и разноречивое сознание,
азарт успеха веколосный,
уходит в шатающееся сознание,
сверхчеловеческая
украшая жизнь.

(деревня в Тиховской
области)

Каждая осень — новая грусть.

Красные листья в пучке горя,
кажется, это красиво.

Деревья все голы, темны их символы,
замечто, как они постарели.

Суть прамотав, твердь раскисает,
хлюпает, злился, мстит.

Из выеот кристаллы совершенства
упадут, может душа взбодрится?

Обернувшись во тьму-нибудь красное
на снегу это будет красиво.

Конец октября.

Как заворачивает стих?
Как та звезда,
что отблеском далёким
души своей и всех прибрежных
затягивает в вихрь
и накрывает облаком
восторга

И слабый звук,
и звуки градоглазых
проход распахивают
в Вечность.

Как жажда мучает,
как прозябанье страх страшит,
и грусть, спадающая ниоткуда,
среди житейского волнения
сокровищем вещей восходит.

— Ну, все принявшее стихи
писать (вероятнее)

Как не писать?
Ведь граф распорядился
бумаг подать на стол,
что пишущей кисти завсегда.

А тот предмет, что оставляет на белом след,
средь прописных заглавную выводит, первой?

А муза? В петюках демократии она возникла
и рада...

Любому сродняющему мелодию напеть.
И пальчик к руке протянутой
божественное в даре благославляет.

Пишите, мальчики!

Пишите, девочки!

Пишите, зрелые мужчины!

А женщины обязанности в поэзии
купались для укрепления
любви!

Так страшно полюбить,
и в шуме ветра слышать
не высказанного шёпот,
и путаться в желаниях,
и беспокойством сердце наполнять,
и верность в лириках искать,
и неожиданно прозреть,
и удивляться привлечённым птицам,
тем птицам, что знала я ои себя,
и воздух имели кружить,
и разум боязно вонзить:

«А вдруг
объяснить придётся пустому,
где медленно все чувства увядают».

Картины Босха вменяют мир
таинственный и непонятный.
В прозрачной сфере тара.

Они обнажены,
в прикосновениях греховны.

Как в мыльном пузыре они,
взлетев, защищены

на время их любви,
на время отчуждений,
где нежность в роде красоты,

когда сиянье глаз
в зеркале переводит это прозрачно,
и наблюдатель видит лишь своё
отображение.

Но демоны не дремлют,
а ангелы бессильны, когда любовь
незнамо как, но вдруг куда-то исходит.

И обнажённость сразу на виду, и впору провалиться
в преисподнюю.

Аланак открылся, кровь полилась.
Это мифафора, однако
красная нить змейкой тонкой
миг иной озарит.

Зацемент сердце,
ментёвися на зов,
миль бхватило сил.

Как иешки одной на всех
(хоть поек вдохновенен),
нет и не будет никогда,
так сердце эженуеки —
ограивей мирь,
в кёи свод законов переливчат.

То от того, то разум есть,
То от того, то мрелю,
не жалея жить?

Когда мрачна с утра,
беседу с землёю., Ты не забудь, —
и мы говорим она, — Не будет утешенья без неё!
О Жизнь! Покажи красоту,
над которой кружишься смирно.

Вдруг пропадут слова,
промелькнут полётов следы,
слух оторванных струн зазвучит.
О Земля!

Нам надобно знать,
где хоралов мёта,
где вступив в унисон
мировому созвучью любви,
свою ноту вкееши,
затеркнув ошальное крикание.

Мой сердце болит, душа в волненьи:
в разор между годами уходит жизнь.

Когда при встрече много печали
при всей благодати, жившей в душе,
уже не получишь толмечу счастья,
о чём представлялось
в том самый момент.

В момент нахлынувших волн
тёплого утра, восходящего солнца,
через ветви цветущих деревьев
силует рисовался с картин Боттичелли.
И нем нужды в описании горечи
от услышанных вскоре слов.

Когда у нас уползли,
гадюка смеялась.

Тупоюшь модская —
уползала надежда, ^{гадость,}
а с нею и радость.

Все идёт и ^{проходит,}
декорации разные.

Триехакань кони,
громко и ^{долго} расали,
в траве велялись,
разлетелась
с мусором
моя меканхония.

Утренняя, тускла
кудрява и легка —
неверная подружка
неверного
дружка.

— Оставь меня в покое,
не понукай,
боюсь пролившая
я невзначай.

— А как же
мой ардез?
Оно всегда с тобой.

Вздыхнула
глубоко она,
и не прочь
слезинки,
за ветром
поискала.

Реальность, где она?

Красное вино в прозрачном бокале,
волнуясь метками на тонком стекле,
пишет строгими стихов и романов.
Строгики бегут рекою беспечною,
манят игрой в кутерьме бесконечной.
Бокая нищра над саширом смеётся,
природа вокруг волшебством скошла.
В бокалах вино, поэзия рядом,
не конгаются реки,
конгаются дни.

Я в душе своей, однако,
палукуроуённая деваха.
то-нибудь своё ещё спюю.

В саду в Дуброшкено
в 1917 году

Кривая линия дорог,
за ней изгиб реки.

В любой кривизне
плещется геометр.

Так Лаптевский жил,
отказавшись от прямой?

Туда ходим к краю,
пересекаем плоскость по прямой
и становимся точкой упрямства.

На поверхности, луж мельтешишь,
кто-то хочет уйти по прямой,
а прямая — она кривая,
прогибается над предметом.

Сердце и разум
бьются о сферу,
а свобода теряет всё,
ищет выход из лабиринта,
который заворачивает
кривизной.

Лицо мой бережён харизму.
На остров одиозный бере держу.
В сумраке предположений
призраки хромые
играют в паззловки.

На верхний пазубе сижу —
закавы и, расцветы,
всё мне к лицу.

На мне вырощены грузины,
но губы улыбка губы-губы.
Улыбаем бригантины,
зыблется силуэт

На острове собственном
из призраков
безродных, хромых и нечёмных
строю ровные ряды.

Гравес сложосложення,
не более того.

Луна давно не появлялась.
Душа, не любящая прака,
затосковала, готова плакать.

Фонарь - привет поэма -
соответственно кивал.

Его совет:
вернувшись в маленький клубок,
тепла и света хванишь.
Начнётся любить себя,
обманывать,
миры другие рисовать,
и пот, и этот...

Душа взбодрится, запоёт
и может стать счастливой,
как та луна
что прячется за облаками,
ей дела нет до нас,
она кругла по жизни.

Мечется меду в мелкой воде,
сам себя видеть не хочет

Горелой кожей лас шелестит,
ужасом дышит перел.

Добычу филли не хочет есть,
горюшко замигает ветер.

Корни стонут глубоко в земле,
им весной надрываться.

Толща отклоняется от оси.

Широты, долготы, меридианы
и даже спокойней Экватор
Землю покинут,
уйдут воевать.

Мечта растворяется в дымке,
крапной формой уплывает в даль.
Ветер надежду в парус вздувает,
чезают следы на воде.

Бесформенной становится мечта,
едва мерцают огни.

Дробится пошох:
песня, фотоальбом, дневник.

Навязчиво заурядная песня
не маняет молчав:

жизнь растворяется в дымке,
чезают следы.

Много он был болен, не мною,
а я вообще не желала болеть.
Быть здоровой короной,
гулять по лугам
пордой на Север.

Вот вчера холодным дождём
утыкая,
не могла согреться никак.

Только водки естакан с лёдом,
лимоном и живой огонь.

Это из жизни другой.

Я иду по дороге девичьей
головой, мне с собою лепёшки
из акаций стручков, клевера
цветы и нежного лука.

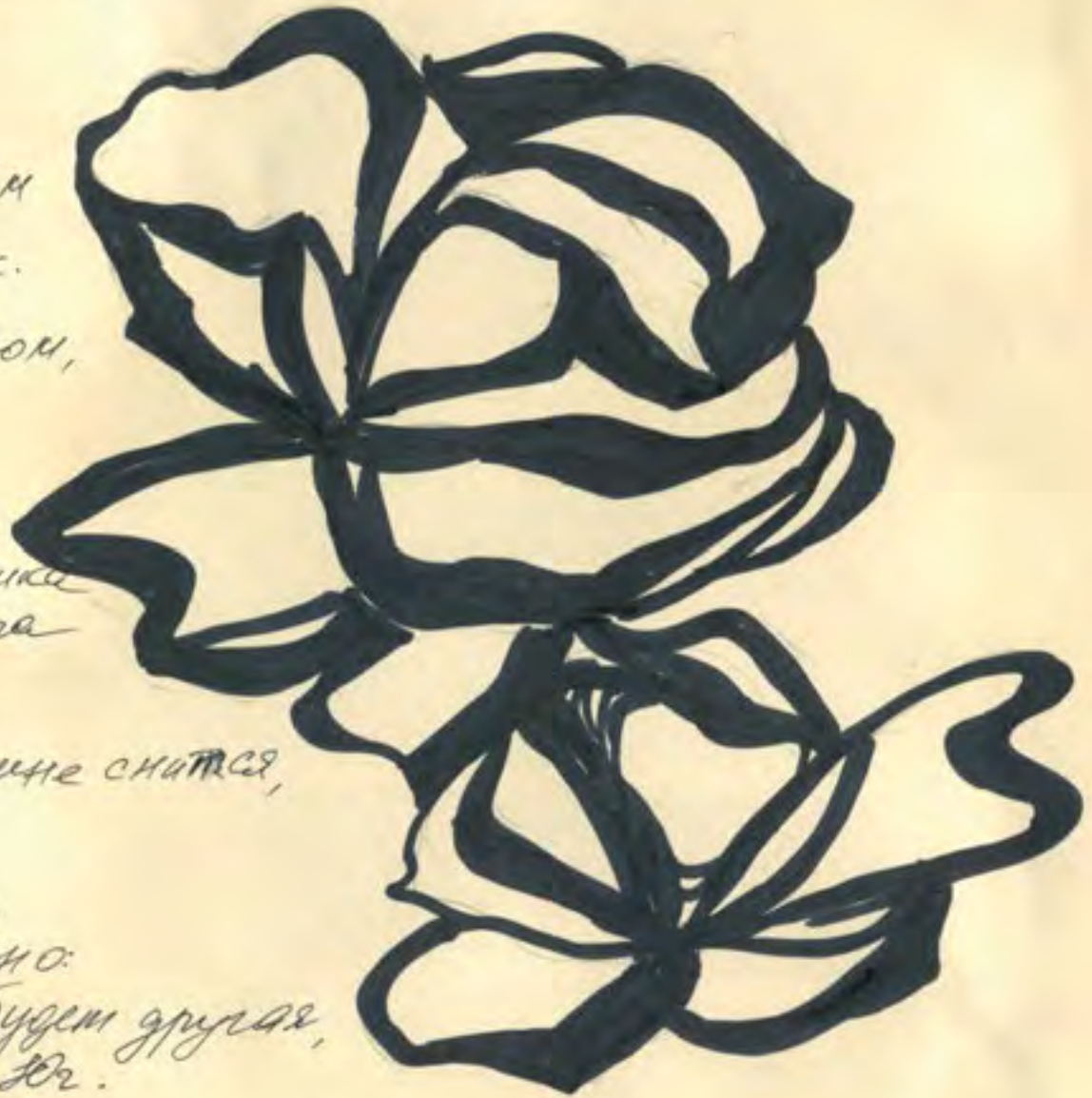
Эта дорога всю жизнь мне снится,

Я иду и иду по ней,

что-то в руке держу,

а в голове маятит одно:

Эта жизнь не моя, будет другая,
повернёмся на Юг.

Над выхлоп распахнется легко.

Законы не наружишь,
и в мушкетере прошлого вина
слезам купаться в сапфире раз.

Если б душа не искала соринки,
не пошла бы в тесную клетку,
не стокала бы в прутьях
большого хора.

Вот об этом поют соловьи на ветках.

Хорошо, что птицы не плачут,
знай делай свои дела.

В человеческих жизнях
интерлиганные дьяволы,
кикиморы и Томорры
пляшут и плачут и ...
тишут сны.

Наука о времени

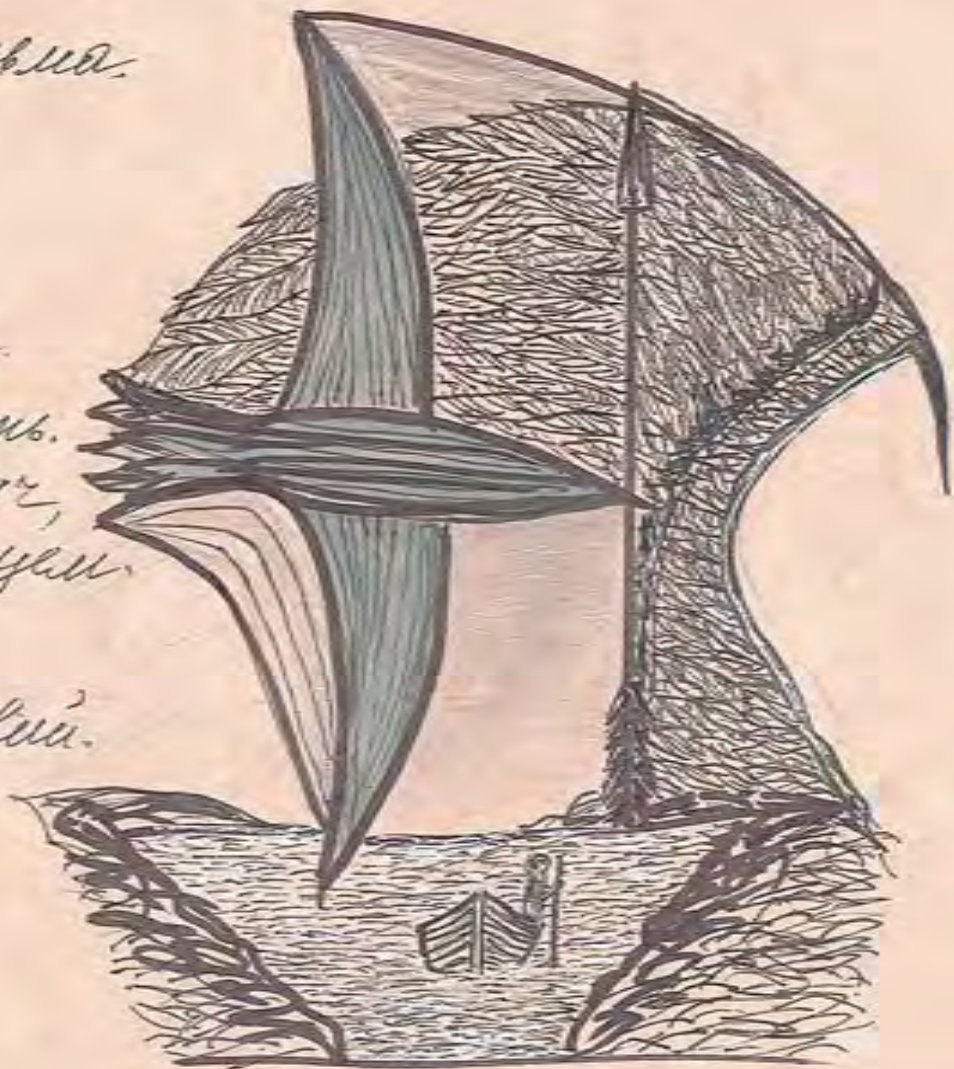
В гурьне поездежания
крылья расправила шмеля.
Меновения перебирая,
поле времени вяжу.
Летящая стрела
катизирует всё без разбора.

Ещё у времени упругость есть.
И в прошлое закидывая мяч,
удар сбитый непредсказуем.

Время — понятие
о промежуточных действий.

Несколько промежуточных
не забыть никогда.

Вот и всё время,
Вот и вся жизнь.

Не было рук у нечто,
не было материала.
Дан рушится сразу.
Раз за разом сыпалась груда.

Тыль одна,
да кинного тумана.

Над головой что-то скользнуло,
прошло сквозь пальцы потом.

Птицы летели мимо,
скрижали вкраях.

Багаю виеши с солнцем
в колюгуну темному,
в те места,
где низаже
всё что видел и знал,
в себя он вобрал.

Как в собраниях книг,
души в тех блаженных мешках
сами себя мелеют.

Жам маленьких вселенных свет.

Не я ли Брела, не глядя под ноги,
глаза почти что закрыла,
хотелось присесть на зелёной траве,
раскрывшись навстречу чему-то.

Не можем же быть,
чтобы я продолжила путь,
в котором нет смысла.

Однако всё так:
нет нужных слов,
всё та же игра
без выигрыва и без прокала.

Партнёр молчалив:
козыри на руках,
убеждён, что мир
должен быть
неизменным.

Карта не шла.
Какие б не выбрала я
сочетанья, локальность
всё та же.

Нити прошлого мотаю в клубок,
клубок превращаю в горю,
скрыть не позволяют морщины
Лобам — без музыки танца.

Боже мой! Мама, я постарела
Горам дитя, кружевная воротник,
кленовый бакт сияет в тоне.

Первые шурры на каблуках,
Первой любви призрачный крах.

Раскрашенная рюшечка —
вот тебе жизнь.

Гляжу на повзрослевшую внучку,
ощущаю себя фонарем у аптеки,
фигура в вафельке на кого-то похожа.

Опять я к тебе, мама!

Грядущее по своим меркам,
в мире твоём жизни мера извесна?

Ногою крутишься в кровати,
динамо-машину изображая.

У какой бензоколонки
получаешь такую
заправку.

Где-то девушки босиком
бегут по зелёной холодной траве,
я шерстяные носки надеваю,
буду считать улыбки клумочки.

Там всегда найдёмся друзья
о модных вариантах жизни.

Хочешь пройти пешком
через море,
и узнаешь, что в этом
нет смысла!

Обида свернулась в кольцо,
в душу упала,
как в море уходит пловец
плыть и плыть,
пока хватит на это сил.
Захлебнувшись злые слова:

„Отомстить, отомстить!“

Обиды растут во Вселенной.
Одну планету переатаи планетой
звать. В пучине холодной
от обид иногда пропадаюи звёзды.

Обижается Солнце,
беда от его обид,
много пятен, вспышек гнева.

И ничего думать, чтоб его оскорбить.

Облаком или тучей
подсознание плывём.

Ангел Божий летает,
перьями слегка касаясь,
"Бейся", говорит об стене,
может открыться дверь.

Что за кею?

Подсознание шлейфом манит
образы воображенья.

Ангеловы искры
мигикрию сердца
в трепет Божий обращает.

Рукою огни прикрывая,
в незримый пошлет
вдоху.

Двери осторожно
закрываются, следующая
остановка "Гарк шизо",
а может "Цирк".

A stylized, abstract drawing of a face. The face is composed of a large, detailed eye with a dark iris and pupil, and a circular mouth with a thick black outline and a smaller black dot in the center. The mouth is surrounded by a series of black, rectangular, block-like shapes arranged in a semi-circle. The face is set against a background of horizontal lines. The entire face is framed by a thick, textured border made of wavy, dark lines with small white dots, resembling a wreath or a decorative frame. There are some faint, illegible markings on the left side of the drawing.

Он любовь презирая,
он казался себе героем.
Смешны ему женщины,
презренны мужчины.
Он считал себя гостем везде и во всем.

На нём бедовая пушилка.
Прилепил её ветер где-то у сердца.

Появлялись небесные знаки,
облако не просто висело
оно форму меняло, тень наводило,
что-то сказать хотело. Это его раздражало.
И вдруг мужика не стало.

Ветер опять пушилке рад.
Неправда, что место её случайно.

Она мобила, к кому прилипала.
Вздохи потяжелей...

Я пишу письмо в глухомань,
стадо букв расставляю так,
чтобы паству кнутом
организовал каров.

Стоит ли жизнь свою
благам считать,
если за каждым темнеющим "некто"
может стоять "некто с бедой"??

Я задаю вопрос:
"Что происходит с каровами?"

Природа поджимает губы:

"Я не прекрасна,
больна, да не только я!"

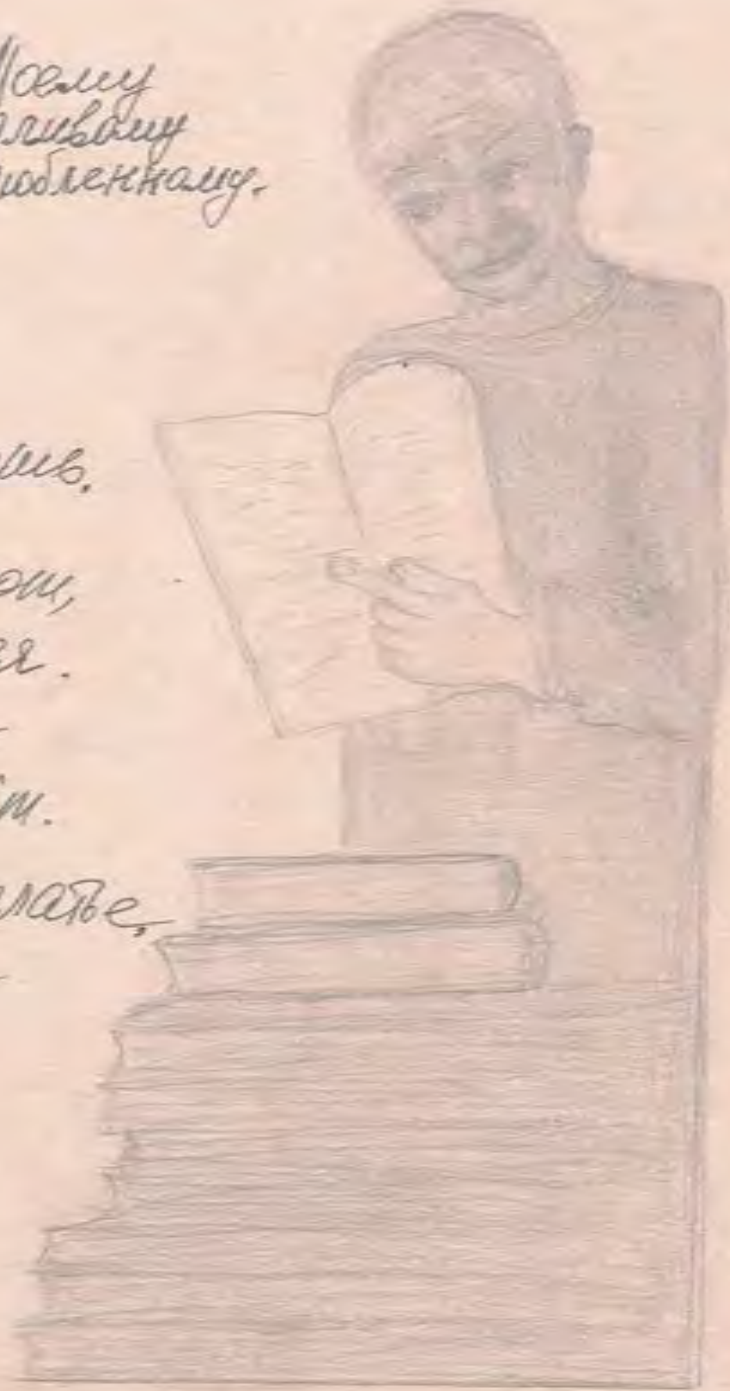
В распахнутом небосводе
Божьи полмысли можно
прочесть, как угодно.

И нечего задавать вопрос,
и нечего ждать ответа.

Маму
маленькому
возлюбленному.

Предчувствия дразня,
приходит безоглядность,
выплёскивает жизни,
растерянным подростком замираем.
Птицы в стане вшившихся в оборот,
крылья сложив, как попало садятся.
Запирают двери клапанов сердца,
всё замирает. Одна птица поёт.
Звонка у женщины — выходное платье,
под луной красуясь, к небесам
с вопросом: "Где ты скроешься,
о котором мечтаешь?"
Птица поёт. Хорошо, когда
тебя слышат.

Она хотела умереть
под цветами,
белой ногою при полной луне.
Слёзы лились из глаз тех, кто
ощущал утрату,
надеялась на это она.

А ещё ей хотелось
среди неживых
ощущать прежний мир,
ощущать неизменную
память о ней.

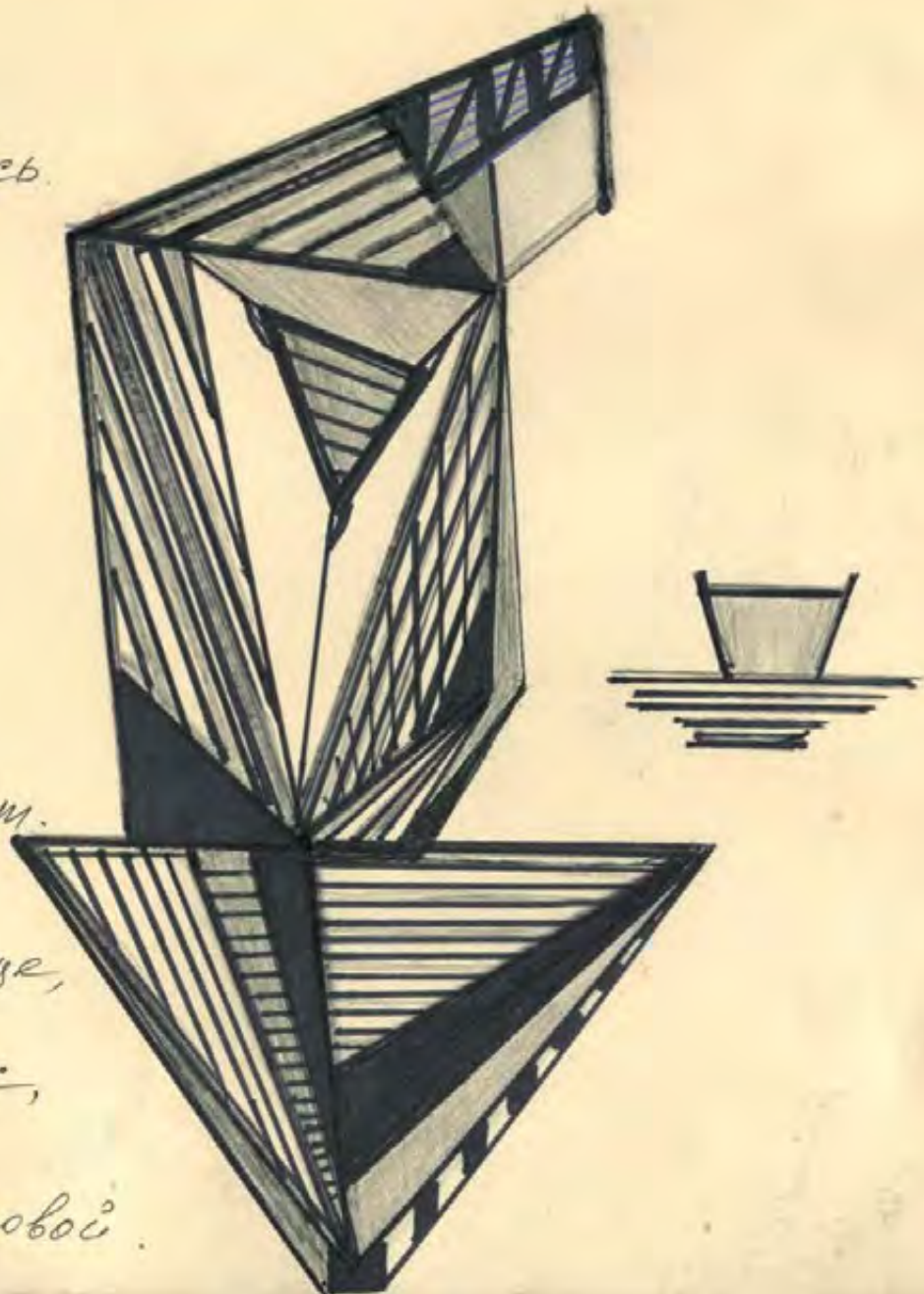
Серебрянное платье
должно висеть
в шкафу одинокого,
умершего прошлого
мерца.

Осенний сброс —
всё летнее богатство
теряет тайну,
обнажившись.

И женщина,
расслабленная летом,
стремительно приобретает
стресс.

Рука с кофейной гашеткой,
и выражение глаз
засмывшее,
и остывающий напиток
предсказывать события могут.
Жаждет в воздухе зима,
предчувствием сжимают сердце,
под снегом согревает
новый стресс,
и женщина становится
суровой.

Открыло лицо своё зло.
Ложь приглашена на встречу.
В этой дружбе есть резон.
Справедливость или не нужна.

- Крушю киятозку
выпей кружску Большое дело
- Мне холодненькой бы водки,
для важной встречи кияток?
- Ну, не ной!

Вот и Травда подошла.
Что надутая такая?
Молакольные мои!
Ваш ловушка без затей,
посидите взаперти.

Космос не про вас.
Спохватываясь, конечно,
будут лаять и Травду звать.

Найзуют свои погали, не уперем
и погаль.

Смерть готовилась давно, то там коса?

Сизыбелой всё покраем. В страхе безжизненных плачем
встанем бывшая Земля.

Отшельестала осень.

Бесконечной возможностью
отраженья
приврацалт людей в угольники.

В саду тахотояных строений
потемнели верхушки лёгких,
подавшие к халатам белёсым
фигуры печальных созданий.

Слабость прелой травы
прокраемат краенни цветком,
полуожившую бойкость
ромашею какает дощитная
кайка.

Отшельестем пажетные реки,
захлестнула гореть утрам.

© Вечностью разбираемая
каждый сам.

Охранный колокол забил тревогу,
или ветер грохнул
шпатель кривой.

И ноги страха сил набирают,
полноватой особой луна
в силуэты играет.

Тёмные владения на снегу
отчего появились вдруг?

Дума расклевована:
любимый болен.

Меняется время,
набираем все.

Катимся всё, как шар скорбя.

В какой-то миг
всевышних сил помощь просишь,
и, раскрывая крылья,
нежностью ангел боль укрощает.

Гаснух, державшись за носы,
за землю,
в подражание предкам,
тоб не летишь за облами
в небесных сферах,
кожевниками, как и он.

Тож сколько раз,
не чувствую ослы,
задрал головушку,
скорбящую о небесах,
вдруг,
Демона тоску и одиночество
прогуснивовав,
на философию пастушью
плюёт.

Теремный настрояния.
Лёгкой тканью вбрановенная
ложатая на булгу строгки,
на холсти ложитая красотный рельеф.

Сквозящие чувства.
На порогах любви и жизни
камелалаж цветочки
тихи и думством цветущи.

Ушедшего повтор.
Из прошлого сюжет знакомый.
Судьбы узор?

Новизной острый угол
размять и украсить.

Тот пейзаж
под луной не раз и не два
поменяться можем.

Не раз и не два
изменится жизнь.

Легали жаль —
дар юности ушедшей.
Твой ногою сердца грусти
при той особенной луне,
и крики птиц взлетающих,
и те места,
где виден горизонт,
таинственно мерцавший.
Звонки тонкие рвётся сердце.
Крупной солью разведается жизнь.

В дёбрах души
гнезда тайные бережём
то, что в небе проносилось,
то, что звёздами падает,
то, что во времени долго живёт.

Одеревеневшая асизной душа,
ты болившая осмелась одна?

Тисаю на бумаге,
чтоб горела бумага,
чтобы полёты души
не душили свободы,
той свободы,
за которой у которой
лётает пёсик,
схожая с шином.

Кривля со светом
рассекаюш твердь неба,
перья вздыхая
завихряют воздуха струи,
сердце, терзаясь,
буквы заглавные
твоевыми словами.

Этот стихотвориче,
глядя на солнце,
хочет петь то,
что буквами не охватить.

По кладбищу прокладываю путь.
Никчёмных роз букет
родителям несу.

Их нет на этом месте,
их нет нигде.

Есть только память
и этот пятак,
здесь горевать по гину.

Вина с годами, как гроза,
прольёт наполненные шумы,
душа огнемится слегка,
смолив плашка колодек.

Груз бытия,
завалы памяти трут жерновом,
и оглянувшись уходя,
просирает ва-
замкнутость увидишь.

Половина луны, половина сна,
две звезды в небесах,
и на вечном пути
в никуда дорога.
Ночь молчит.
В глазах серебрился свет.
Пауза.
Мираж воды вдале.
Разум ничего не успел понять.
Лунные свидания —
ангелов воображение.
В глубине агновений
воздух рисует образ.
Внушивай и твори.

Постарайся уснуть
пока месяц не сойдет в окно.
Как красиво ушла
тень от дверей.

Отверни одеяла кусок,
пусть воздуха вдох
напомянет прогулки урок.

Там у пруда,
подвернулась нога,
ты с трудом поднялась,
осознав было страшно,
что вокруг никого.

Одиночества страх
не в стихах, в молчаливости
воздуха, в пустых небесах,
да во всем,
когда не уснешь до утра.

Стожок,
как взрыв,
как заплываемость мгновенья,
как мигель последняя гиря молсаньем.

Урок или урон
бескрайней пустоты
при неизбежности потерь
захватывает ум.

Всё шло и проходило
дворами проходными,
воепоминая следом.

Малая раскрашиваем стены,
пузыри превращаем в портреты,
в портреты эскизы...

Тела и лица
выпарсиваем пошляками,
и времени летящая стрела
накидывает их.

Не плачь!

Воображение это, а не судьба.

Предверье творенья —
падение в пропасть,
оттуда,
цепляясь за выступ скалы,

скорей бы в просторе
крылья расправить,
парить над мой бездной,
потоки исходить,
чтоб крылья в разливе
подольше держали
на той высоте,
где нет горизонтов,
и нет никого...

Пришло к берегу души
то, что мучительно и страшно.
Так свет, возникший ниоткуда —
надежда сливша
с мудростью веков.

Что-то узнал,
как управлять Вселенной

И Земное утало в цене.
В вечерний час по нити бытия
стучаешься паук.
И надъ Земли принадлежит ему.
В тусноте безумной
дрогнуло что-то.

Толмачник и дощик в памяти
будут жить вечно.

Прикиная длинная лодка,
я её донесла до реки.
Вода голубей не была,
похожа на белый кисель.
Кричу во всё горло:
"Все приходящие,
можете довывёе
до немалого счастья!"
Река жизнью не была,
гребцы дураками были.
Все разрешил туман,
в болоте мы оказались.
Я внутренкии голос
должна распознать, но
всё погрузилось в незнание.
А всё от того, что мы давно
Может это и было счастье.

Где ангелы имеют свой приют?
Быть может это параллельный мир?

Незримо,
шурша по воздуху полётом
свое присутствие даруем.

Как с облаком
встречаешься ты взглядом,
душа на небеса открыта.

Я ангелу кричала: "Голоси!"
И слышу: "Столкнуто всею сил!"

Ангел в своём откровенном
лугезарен,

его эфирность —
души дыхание

Слышен лишь звук,

ангел — лишь слово —
Богово слово.

д. Дуброшкано, 2003 год

Ах! Прожитые годы!

Они оставили меня,
иные времена прибились,
особенность — их осторожность.

Спустилась к морю
у Мальты берегов,
камень острый и
бьёт прибой.
Болталась в море голубом,
за порученью окликая
лесенки дерюжалась,
солнце надолгой смеялось.

О море!
Будь снисходительнее
и нежнее, ох!
Эта красота ко всему.

По своей восприимчивости

Пространство кривится,
 как рот Сократа.
 Но солнцу движущая
 прощуберанцы.
 Безумный школьник
 не угнет грамену,
 он принимает из Ласноса
 знаки.
 Старухи Харриса
 в сад подают,
 их ущемляют права человека.
 На улице у мальчишек
 пропавший кот домашний
 голубя дождет.
 Не прыгайте, девочки,
 с домов двенадцатиэтажных,
 это давно предельная Харисы.

Трастухой незлобливой,
не обременённой мехом и шёлком тоже,
каму-нибудь да нужной,
сижу я на пенёчке.

Ловит уху густо
шам глухое Камандора.
Ямная сцена вот-вот произойдёт.

Я упаду
и буду притворяться мёртвой,
а он заикнёт меня за нос
и победителем внесёт в свой дом.
Он кормит меня просом
и хочет, чтоб я пела
и круглыми глазками смотрела на него.

Если он узнает,
как скучно без того пенёчка
решил; то у него нем сквастья,
и сквастье — вислоко!

Разбуженный бутон
с победной нежностью
раскрывшись венцом
для Девы избранной
Архангелом — небес посланцем —
прикрасен.

Ношей тяжелой
клокнит пригубившей
голову ей.

Все тяготы мира снесем,
лишь бы не вымехали
капли добра,
лишь бы миру было
кому передать.

Река перемен изогнулась
и вспять потекла.
Гладь глубины,
встрескивая памятные вод,
течений борьба —
это мир длительных отношений.

Загадок полно.

Было ли море холодным?

Желтуга с переливом ириетым
вдруг превратилась в пламя.

Было ли пламя красным?

Вдруг все стало белым.

Лает снег по причине тепла,

Душа ледяными следами плачет.

Пламя за сраду, взрывной волной
берегов достигает.

Дознаватели ждут. Чужины кем.

«Да...», говорит угасковный, —

«где взять расгены
угасения каждого?»

Голый море, волос волна,
над моргающим грудным
грубовавшее мило.

Эта женщина когда-то
богочелю подрукою была,
а теперь тугая Гусейдова,
на носу военном державно
держим курс на войны и грабёж.
Этом моетр из дерева с железом
тяжкая продолженность её.

Из слова, прожившего сто лет,
вырезали трепетные руки,
оставлены души чаемцы
в дебе в одноконстве параней.

Потому в носу она в слухах и в грусти
дар один — спорить в сраженьях.

Потому быть кострой — ещё одна
мешерия любви.

С моей бессонницей,
на выдумки богатой,
лежим, перебирая на аукционе
из ряда вон. Моя сущность проста,
только где-то в створонке
клетки мозга бредят о том,
что не было и не будет.

Стройтесь бы у моря,
где верность шопшемся,
а с башни из слоновой кости
поэт взирает.

Красующая хвостом павлиньим
стихи, увядшие к утру.

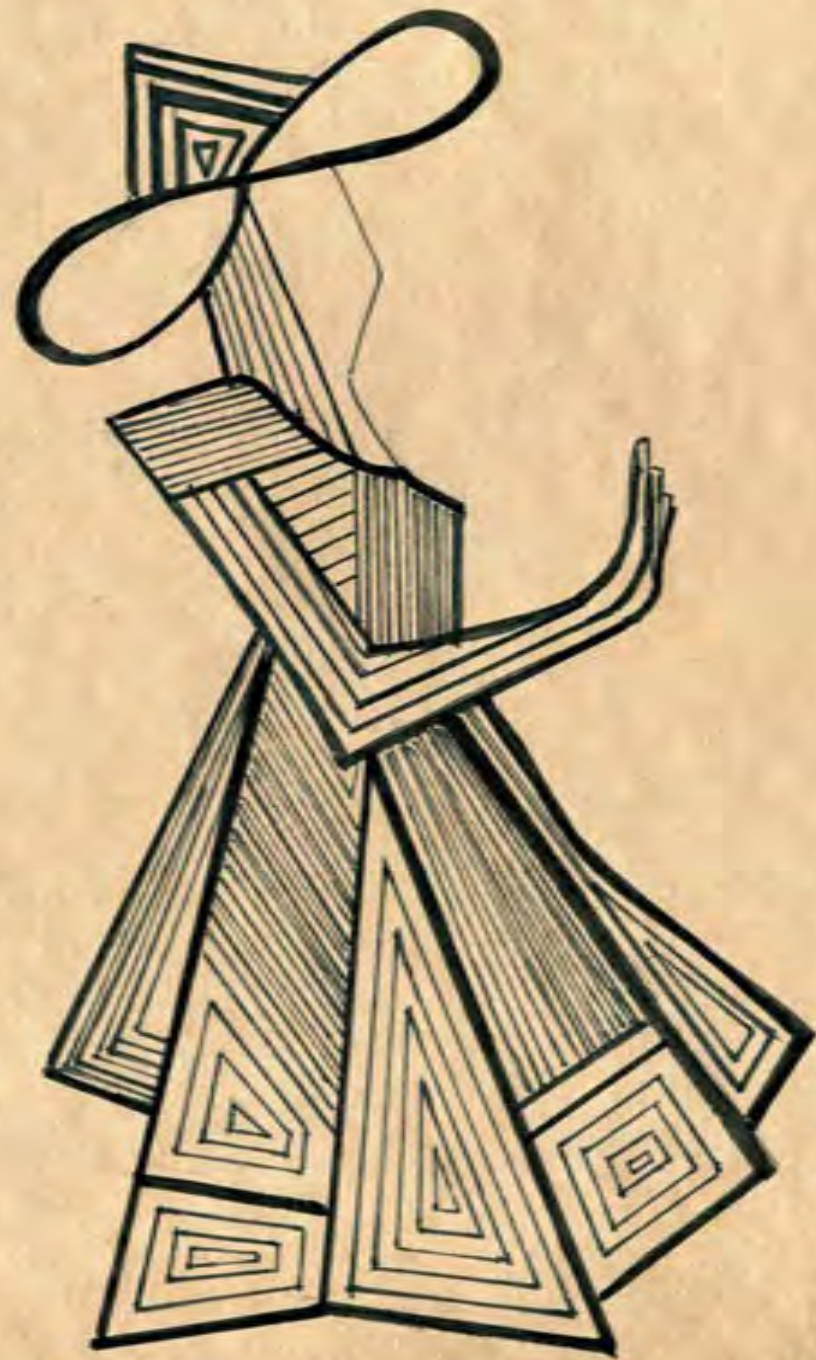
Картинка цветная отпечатаком
серно-белым припаяивает сон.
Топает время за дверью.

Сквозь музыку шевеля
лыжными шорохом вечерним,
сквозь легкий дождь
сплетая сеть из слов
для ловли звёзд,
заманчиво блуждающих на небе.
На опрокинутом прошедшем отраженьи
дрожим и кривимся брови твои.
Жду просветленья, не дожидусь.

А ногою скелетом сон
Я без ног, держу одну муфлю,
и плачу, и плачу
несправедливо платую цену.

Днём в отчуждении от всех
и от всего хожу,
а следом одинокая обида.

Скоро Вечность,
как осень приходит
с тёплой нежностью,
с ожерельем цветов и плодов,
вдруг заплачет,
сквозь слёзы душу морозит
и сединой нагнает пугань.

Перед тем, как укрыть
мхом пухляк,
жёлто-красный поднимет покров,
ветром молодости взбодорают голову
и внятно закроет лицо.

Судьбы маленькие выпархивают потыкками,
время стрела наизывает их.

Помок как заманчивость мгновенья,
как ивель последняя крикани:

„Как много мало!

Как много хотелось пройти!“

Слова ...
Листва, гонимая ветрами,
собранные —
поэзия и проза —
в бумажном переплете,
летают страницы ветер,
слетают с губ звуки.

Жаждет душа смысла,
слушает ветер,
любит луну и солнце,
петь может!

И потекут слова,
как осенью,
не думая, и не жетая,
в реке плывёт листва
во всемирную аутиность.

Слово „Вечность“ —

что оно значит?

Это не жизнь в порознюю зилу,
она бесконечна, скована всё,
но это не вечно.

Желенья в разидесе огня
будоражат ивеси о скоротечном.

Дни уходит в небесный покой,
там, наверное, вечность.

Бредя клокотом скоротечных стрел,
узнав пожелевшие ивеси.
От тупости головы устал доже Бог.

Снизойдём до кивка,
дасть Вечности угрожен.

Губивают это поэты,

Вечность у них на постое.

Снилася вже сад
в замшелом уборе,
в широком поклоне
яблоней горе.

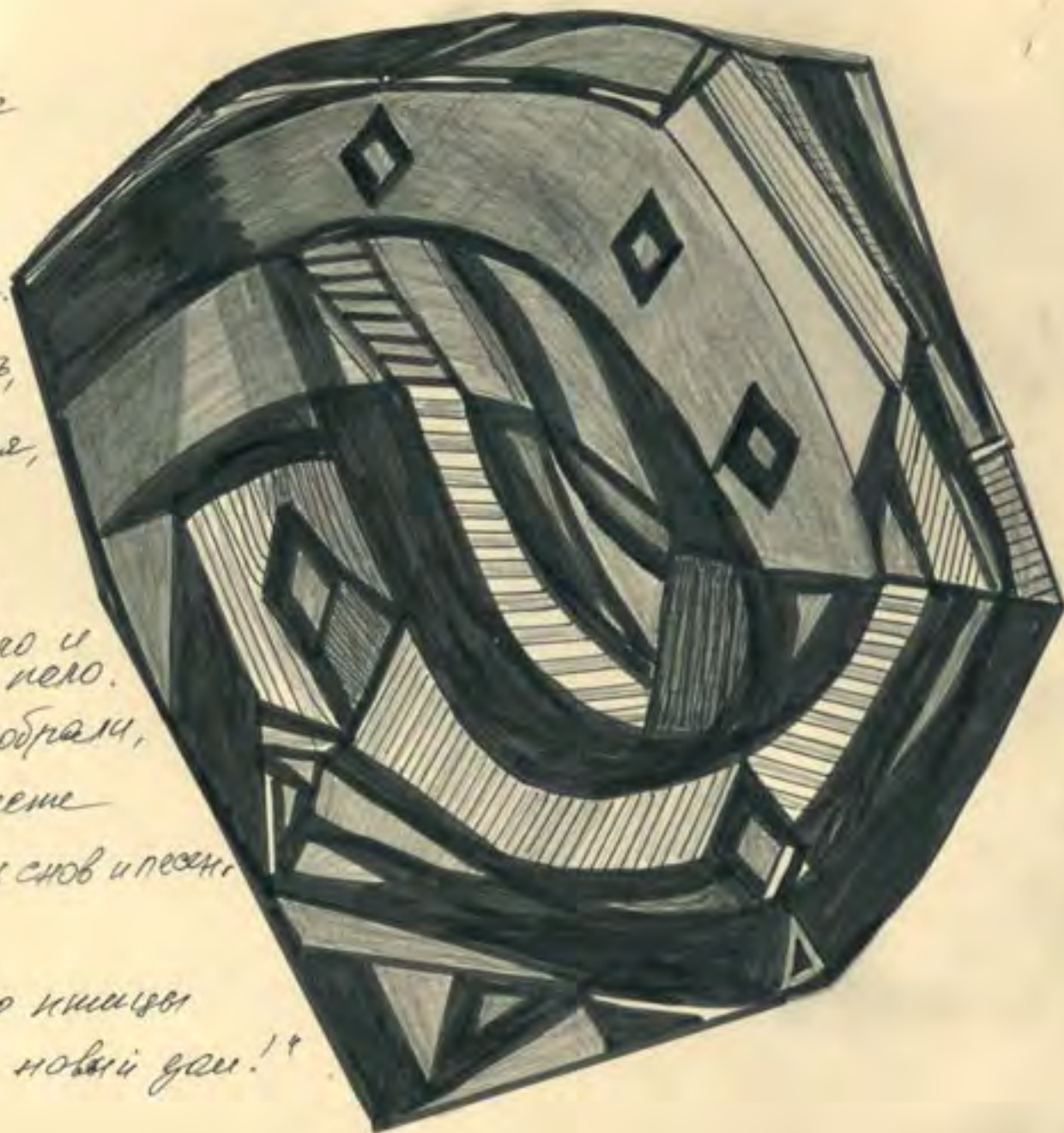
Не могут яблони
без лапки модной,
без радости при урожае.
Старый дом,
державшийся за накат,
кондовых бревен
сажень косая,

дверь рассохлась
с прищипан забором,
и печь покосилась давно.

Всенай, ополучив,
всі спечвало, увело, зеренко и
пело.

Только дом угасал, его разобрали,
гасень сожгли,
и осталось на этом месте
союз духа дала и
человеческих снов и песен.

Злакут ивы у пруда,
ноют комары, только ишицы
зазывают: «спрайте новий дом!»

Со слезами былого,
со слезами о будущем
неуверенно и самоуверенно,
как будто в глухом лесу
набрела на холм высокий,
где светится волшебство.
Жем на стадии созревания
поздний цветок расцвет.

Семячки - зёрна иешини,
созревая, падают, припадая
в землю.

Животисеуа свои неудачи,
играя на одной струне,
сверхъестественными называют
обыденность и пытаюсь в гудеса
превращения. Тум и слёзы,
и вдохновение, и невероятные -
выходи из тупика.

Струны памяти любви
в темных рощах зазвучали.
Над водой озёр зеркальных
тайны грусти и веселья
схоронились в камнях.
Слышен шёпот о прошедшем,
слышен стон о всех утратах
Тяжелая — уже страдание.
Молнии удар бы,
тоб душа преобразилась,
островок любви воскрес.
Прошлых радостей
ушедшее
не осыпалось в будущее.

Судьба,
как художник,
жизнь рисовала,
в лабиринты зацепила,
многого побеждала.

Жизнь при закате
ладони скрестила,
не того я хотел,
получилось не всё.
В житие моём
есть жёстные строки.
Тот за шею, скрипнув пером,
помянув моё имя,
кляксу поставил?

Не истину ищу,
в небесах просвет привлекает.

Сумела ли жизнь Вечный Май,
пожмет и нем, но
ждать приходилось.

Мозг трудился в темноте
краешней,
тоска и тревога по телу сновали,
о свете, как о кошмаре с хвостом,
всё толковали и ждали.

Вечный Май, скатавшийся в клубок,
как на ладони уголёк:
боль огня и радость тепла.

В голове умищалось разнообразие всякое.

Сердце билось, знало по векам жизнь.

Вечный Май, ожаждавший всякое,
вечные скифы,
боготворящие жизнь огонь.

Творит поэзию Трехнога,
Кружит ветер вихри и тарны.
Лесная кака, ветви деревьев
тащутся к нудам,
те же картины пишут
о будущих приключениях.

Медитация сохраняя зыбкость души
в деревьях прячет желания,
парус Вселенной хочет найти,
Космоса силе спозней прогнозы.

Высветить мысли кусочек,
Брайка будет для муз.
Она прилетит.

Красная расправит, и
оглядевшись решит как ей быть.
Беречь её будут деревья,
нежною лаской обволокнут,
Трилетай, все тебе рады.
Ждём...

Желали овладели друг у друга,
хотелось душу предложить,
и раскрывая
двери запертых закоулков.
Вдруг ужас в воздухе повис.

Ты живёшь в пошлостях жизни,
теряя то, гордившее тебя,
хватая воздух ртом открытым,
на Бога упокая,
на Судьбу сходясь,
желая удивительного счастья,
которого Творцы Создатель
не имел в виду.

Давай сравняем наши души,
иначе скайнер срежесет нудей
одну из двух,
заставив иволгу заплакать.

Ты прошла по мне,
родная улица моя,
оформила свою страховку,
наследники с неопеченным,
рокари холодным огнём играют.

Ангелы, закрывши уши,
поют хоралы о своём.

Не хихикайни, Бесс!

Диоген на улице встретил
только собак,
когда искал человека.

«Боже!» — воскликнули монахи

«Греша не на небесах,
и в душах наших потаенно.»

Мимо проходит мать Божья,
удивляет своим спокойствием:

«Всё гением идём,
и вы оказались там,
где оказались.»

Ты собака, я человек.
Дарован тебе тонких нитей клубок
в переполненной запахом шире.
В кокон своей любви
навсегда ты меня втлела.
Радости кручинная
на конце хвоста.
Мокрым носом передашь
своей гущина можешь.
В клетку думу свободную
добровольно ты заможна,
с укоризной на злобу людей глядишь.
Твой мир другой!
Может меньше было б
во мне мокри,
без твоих пощипывающих глаз.
Но, наверное, так суждено,
быть нам в связке одной.

У ангела нет перетов,
и уета ему никему.
Вспыхавши белыми озарилося
что чилось ввиду
Тот, кому ангел являлся, видел звезду в облаках.
В мозгу возникали зримые, перед глазами образ вставал.
Непостижимы жизнь и любовь, а еще смерть недовольна и зла.
Грустота и печаль душевных глубин
заставляет сердце искать пути.
Среди звезд, без всяких приглас, будет сердце сиять в темноте.
Ангел вспыхавши белыми
не дает нам забыть о нем.

Глаз моих
не отобразив зеркаля.

Свет отражённый
в мозгу вневселяет театра сцену.

Актёры — мисли,
любую роль исполняя.

Я режиссёр.

Былал отодвигая
к краю сцены,

маячит где последний акт,

во временных потоках

герцу кружи
для собственною эго,

для путешествия...

В просторах Космоса,

на гудный уповая мирг.

После одного
поэтического
вечера

Хмурым осенним утром
нора Ален считает.
В руке пропущеной
зажеаты ягоди ограда.

Продравшись сквозь коножки,
душой к тоске прижав,
непробовав катиток вредней,
страдалицы примерили ореол.

И неприкаемость желаний
покрасив в нужней цвет,
увеличив тихий шёпот
кромки слепого среди ходов
подсознания вечного.

27.11.1948г.

Гертополох
красив и нежнами
нежен, слегка спесив,
высокомерен.

Стебель крепок,
шипы, как штыки,
пусть озаботятся враги.

Он не дол.

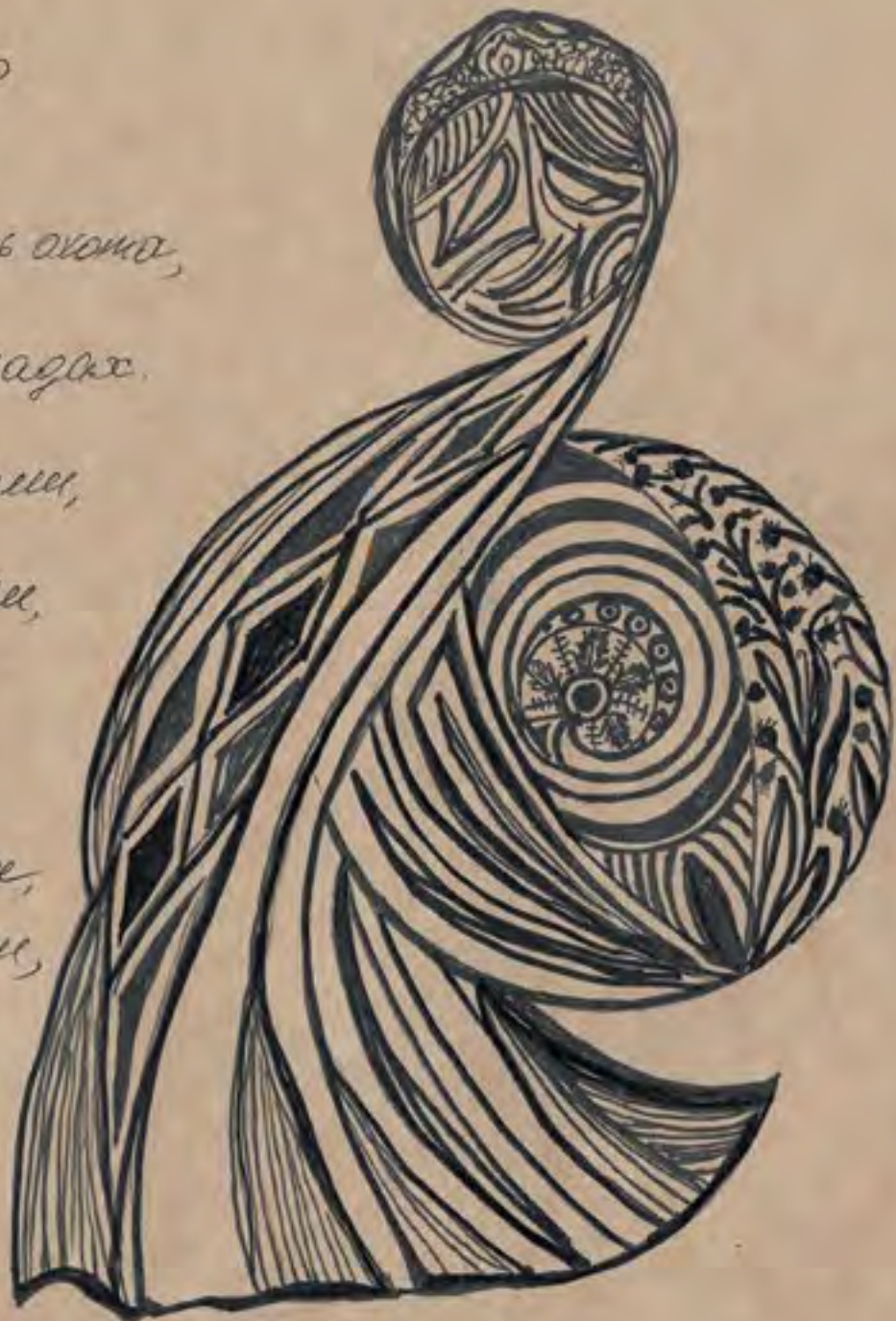
Фиолетовость лепестков,
их утонченность —
мечта о жизни —
не на обочине...

Что с тобою, мой милый?
Не гляди на меня с повинкой.
Мне самой в церковь сходить охота,
подивиться святым
в драгоценных оладах.

Я бы одежды, расшитые ^{железками,}
носила с надеждою,
чтоб грехи, обрамлённые золотом,
тихо выкипели, звенели и пели.

Нет ничего краше на свете,
чем житье с любимым.
Хорошо ещё ходить по дорогам,
видеть солнце разгорячённым,
угостить в водичку холодную
и понять хаотичность
прошедшую.

Я летаю на границе,
приземленья шогки нет.

Здесь пустынное место,
там лежишь, раскинув руки —
в бесконечности мираж.

Это реальность?
А фантазия про это?

Глаз, как лазер, расстил жизнь,
в результате опеканок
на холсте иль на бумаге,
на душе, иль в голове.

Лишь издана граница,
видишь ты её иль нет.

Я тихо по облаку шла,
со мною была собака.
В одной руке ведро с водой,
другая слепней отгоняла.

В ласке лёгком,
защитив ты-то являл,
сестановирав в кедоулины,
таеши слов и целые предложения
путаются под ногами снами.

Два слова „время край“
подтолкнули на землю меня.
Ладно, что не так вечно зашло.

Я тихо по полю иду,
со мною моя собака.

Вода дождем пролилась,
немного пришлось поплакать.

Если б доктрина была,
шла бы и шла сколько угодно
по краю,

но ветвящая пути
у родословного древа.

Я для земли своя, не зря
корнями знакомы мне
деревья и кусты.

И в увядании травы
услышу песенки сродни
их смерти.

Настрой! Природе ошущаю
опавшими плодами,
неврозами камней,
прикосновеньем звуков птицы.

Тока жива душа,
Я чувствую к Земле прикоснувшихся.

Чудеса, что видятся
уже по ногам,
— измеренье забытого мира.

Когда чувствительность
доходит до дна земной,
и ты магнитное дёшево ощущаешь,
ты лёд у порога Земли,
а в сердце зажёгся огонь.

С губ сухих уже не летят слова,
сгибаются стекающие слёзы.

Тужою стучится в дверь.

— Открой!

Открышь и позабышь себя?

Как будто в ледяной воде
явилось солнце, топил лёд...

Вон я плыву, я чувствую волну,
которая несёт в открытий океан.

Я не открою дверь!

Когда тужою влещет кораблём,
дверь наглухо закрой.

Стрелитная планета с орбиты
невозврат, возгорания
улетит,
пожар.

Осень приходит
постоянно, как Вечность.

С тёплой нежностью,
с ожерельем плодов и цветов, а то
вдруг загласт...

Сквозь слёзы душу морозит,
сединкой начинивет фозетью

Мудрее угост,
надо мол тихо и скромно всё принимать,
не бояться угроз, это же Вечность!

Берёз тем, как укрышь мехом шубой
жёлто-красной поднимем покров,
ветром прошлого, как вьюгой,
закроем лицо, зажемурим лицо,
и морозов приход не страшен.

Белая тень - это тоже
Вечность,
за и все перемены вечные...

Чистым звуком над нами летает
вся поэзия прошлых лет.
Желаю человеку познать, гонимый Меланхолией Вехикой.
Там, у моря,
над пропастью депрессий и серых долгих дней,
посредник есть, дающий пассажи
для неизведанных путей в пространстве.
Там жизнь,
держалая на поводке просто радости
с букетом полевых цветов смягчающих
суровость буреломов, где дубовск и плотник
старательно достраивают дом,
где жить или не жить придётся каждому
бродячему по закоулкам. Я в алегоричных живу.
Алименты когда-то из свинца пытались золото добыть.
Кто хочет быть поэтом — верит в это.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Адам и Ева

Тихий колокольчиков звон.
 За тем поворотом глина и грязь:
 вода и земля – из чего Адама слепили.
 Женщину Евой назвали,
 у Адама в ребре уместили.
 Разводил Создатель руки,
 измерить хотел он женские суги.
 В тёмном сознании Адамовой скуки
 формы сами собой округлялись,
 и руки
 в податливой мути
 искали своё поражение.
 Змеюга отчасти лишь виновата,
 шипеньем сболтнула о чуде соблазна.
 Еве вначале везло – белая кость!
 Чудо создания при Еве всегда.
 Сад Эдем останется во снах,
 круговертью обернётся грех.
 Греется на солнце змей,
 сам себя кусает он за хвост.

Белая берёза,
 выгорая,
 танцую в огненных цветах,
 жизнь меняет на зарево закатов,
 на рассветы в синеве небес.
 Собою унося тепло,
 волнообразным дымом
 в сады преображает пустошь.
 Искры улетают к звездам
 и останутся там навсегда.
 Души богатство,
 раздаривая всем
 кто рядом оказался,
 картину образов
 в реальность превращает.

Бессонница

Я вздрагиваю,
 пугаюсь шорохов и
 шума птицы, взлетевшей вдруг.
 Включаю ерунду экрана,
 собрав все звуки в кучу,
 вроде бы дремлю.
 Жизнь на месте замирает.
 На старом пароходе
 тихонько плыву.
 Мокнут красные холсты мои,
 в печальном цвете боясь увянуть.
 Светильник, как маяк,
 то выхватит что видеть не хочу,
 то погружает всё во тьму,
 где образы незрячие толкутся.
 Исчерпав придумок кучу,
 чувствуешь и понимаешь,
 как неуклюже жизнь идёт.
 Под сенью Вечности
 бессонницы трепет быть может
 заглохнет...

Блаженный день –
 в осеннем сумраке остался
 солнца луч,
 он добр, подкрасил
 листьев увяданье.
 Ветер стихший звёздную
 ночь подарил.
 Мне не уснуть!
 И спать порою страшновато.
 Во сне я собираю нужное что-то,
 по белому долгому полю иду...
 Вдали то ли свет, то ли пламя.
 Хотелось бы Бредбери там повстречать,
 со своими друзьями он книгу листает,
 ту, что читать, перечитывать и вздыхать.
 Собрать в свою сферу поющие струны души
 и Природы,
 время замедлить перед тем, как начнешь
 уходить
 по белому свету, неизвестно куда...

Бумаги лист!
 Откуда ты знаешь
 про чёрные перья у белой птицы?
 Про её пируэты в поднебесии светлом?
 Летали слова,
 на сердце оставляя знаки.
 В строчках ритм отбивают буквы.
 Рифмы за руки держат смысл.
 Циклами столбцы на страже стоят.
 И... ничего нового не написали.
 Оглядываясь на тень своего ничего,
 не понять, что нутро будоражит.
 В бесконечных желаниях
 чего-то ещё
 на белом листе
 чёрным рисуешь
 неч и то.

Была бы воля моя,
 скакала бы на коне бешеном
 в ту степь, где никнет трава,
 укрывая страдалицу – землю.
 Вобрав в себя боль её,
 лежала бы стена.
 Конь ходил, головою касаясь земли,
 траву есть не стал.
 Там еще жаворонок пел,
 в небесах удерживая точку.
 Мест для гнездовья нет,
 чужим становится поле.
 Это моя сторона,
 заяц по ней зигзагом летит,
 страх его гонит.
 Это моя сторона, все беды – жилы мои.
 Плохо живу, повернуться надо.
 Меняет время жизнь.

Было ли это? Был ли тот дом,
 дранкой покрытый, с перекошенным
 временем бытом, стояла ли печка
 с готовностью мірь согревать,
 горячими углями всю себя отдавать?
 Крыльцо три ступеньки,
 в сенях висела коса, она иногда
 косить уходила. Тогда тропинка была
 то ли к пруду, то ли к яме большой,
 чтоб в жару
 хоть какой-то тазик с водой
 для лица, на котором глаза
 всё в небеса глядели.
 Где все те люди,
 что за большим столом восседали,
 своими руками строили жизнь,
 а она
 то ли та, то ли эта
 отошла ближе к лесу.
 На большом полотне их имена прописали.
 Цветы отцветали, зима снег рассыпала,
 стужа забвенья большого.

В Космосе времени нет.
 Нет его рядом, нет его вообще.
 Только песок перетекает в колбе,
 только события щёлкают в лоб.

А ещё застревают в горле комом,
 космос внутренний создавая,
 создавая орбиты,
 на которых кружатся спутники,
 в общем Хаосе оставляя след.

Внять Природе,
 услышать камня звуки,
 прислонившись,
 растягивать секунды,
 чтоб его понять.

Пересчитать руками минералы,
 переменить часы
 и сердцем тикать в унисон.

Мірь в бесконечности,
 спрыгнем с карусели.
 Прежде мы были другими,
 другими станем опять.

В надежде на случайность
 границы невозможного облёт.
 Что хочется увидеть?
 Скажу не всё.
 На виражах неясные картины
 не удаётся рассмотреть.
 Додумывать, вникать, раскрашивать
 самой.
 Предвосхищая будущую жизнь,
 за вирусный порог споткнувшись,
 не стоит эгоизму удивляться.
 Не развернулся вектор,
 лучшего не жди.
 И прошлое ошибок не простило.

Начало марта 2021 года.

В поэзии нет правды,
 нет истины в словах.
 Они букетом вин
 морочат голову,
 и тот дремучий лес,
 что вырастает,
 как только открываешь рот,
 чтоб рассказать простое.
 Под локоть честолюбие толкает,
 любовь к тому, что не бывает.
 На выдумках любовь цветёт,
 и ничего мучительнее
 нет,
 чем мыслей рой
 загнать в пристойный
 улей.
 Как у бездны на краю
 однажды потерять охота всё.
 К примеру:
 Я стояла справа
 и не была права.
 Налево уходила моя судьба.
 Нажать бы маленькую кнопку
 раздался бы вселенский взрыв
 Я не была бы правой,
 но не стояла с краю,
 включилась бы в игру.

В природе благодать!
 Кричу о бытие
 как о победе!
 Грехи и искупления
 на перегретом воздухе
 витают облаками.
 Мне абсолюта не понять,
 а мир конечности
 уже не страшен.
 Закат пирует.
 Падаю вместе с солнцем.
 Ночь поглощает волны
 того запредельного платья,
 когда без почвы и без печали,
 грёзы на нем вышивали
 букеты любимых роз,
 а нервы корсет крепили,
 и кружева по
 подолу плели.

В пространстве жизненном
 мелькают мотыльками
 прервавшие свою земную жизнь.
 Осколки метафор
 для образа целого
 в мозаике мира на своих все местах.
 Приходит ночь,
 сны набегают с горстями историй,
 неведанное в неизвестном там
 рисует картины.
 В безбрежной энергии солнечный ветер
 возносит в иные миры что-то от нас.
 Это всего лишь скопление мелких частиц,
 но даже и так хочется повстречаться
 с тем кто дорог был здесь.

Тонкая ткань мироздания –
 вечности нити мы в ней.

Холодный май 2020 года.

В реке змеились струи.
 Осенняя листва безропотно текла.
 И тут она сказала, выживая из воды слова.
 – Вчера ещё казалось,
 что жизни нет, тебя не будет если.
 Сегодня птиц улёт,
 закаты и рассветы
 меня влекут в таинственную даль.
 Мне кажется,
 я птица
 и знаю миг, в котором растворится
 жестокость мук и рук твоих объятье,
 я буду жить как ипостась моя велит.
 Наверное смешно?
 И он ей отвечает.
 – Полёт твоей души, что бабочки порханье,
 не прекратится удивленье.
 Ладонь моя открыта.
 Поверь, я если враг кому, то только не тебе,
 и это не смешно.
 И листья, и слова река уносит к морю.
 А дальше океан планктон оскомин копит.

В сумеречной тишине,
 если зажечь свечу,
 в углах появятся тени,
 вести беседы будут,
 может меня вовлекут.
 Свеча мерцает.
 Невысказанное
 оглушает.
 Равнодушие не спасёт.
 Одиночества нет.
 Есть молчания страх.
 Выскажусь за многих,
 предчувствие, совпадения,
 жизнь течёт, приумножая
 общество «своих».

"И я зову Луну в своё окно ночное,
 Прижмись ко мне лицом,
 побудь со мною.» Дж. Руми
 Персия, III век.
 Варила кашу по утрам,
 в окно глядела,
 по облаку мелькала тень,
 меня не замечала.
 А ночью хотелось Луну обнимать
 пока она круглой и ясной была,
 и даже казалось доступной.
 Днём солнце давало тепло,
 пыталось привлечь в бесконечность.
 Бежишь ли, иль тихо по жизни идёшь,
 точки конечной не видишь.
 И не узнать,
 был ли смысл вставать по утрам,
 варить эту кашу,
 глаза в небеса устремлять,
 мозги напрягать:
 почему Луну
 обнимать хотелось?

Взаимность чувств,
 как всплески вод,
 в них погружались телеса,
 осмысленности груз, пытаюсь сбросить.
 Свою весомость потеряв,
 тела вбирали тишину,
 молчание рыб, волн беготню,
 полосы света и что-нибудь ещё.
 Песок между пальцев ног течёт,
 как бремя сроков, как уходящее тепло.
 Небес радушие обманчиво и непрозрачно.
 Но где-то там внутри
 есть центр постоянства,
 есть сгусток чувств,
 взаимностью свой мир создав,
 пропасть любви не даст.
 Так драгоценностью
 становится кристалл
 и в обрамленьи ценен.

*Остров Корфу,
 Июнь 2019 г.*

Вон там сидела незнакомка,
 всегда без спутников, одна,
 пьянеющих мужчин
 не замечала, смотрела вдаль,
 что видела не понимала.
 В черноте паутина висела,
 над головами светильник горел,
 провода оголились,
 искры преобразили пейзаж.
 В далеком Париже
 пьют незнакомки абсент,
 лицо подпирают ладонями,
 множат грёзы,
 уставив глаза в пустоту.
 Там в тумане роза в стакане.
 Пьёт из бокала в цилиндре мужик.
 Мусор в тележке
 или цветов букеты
 одни незнакомки знают.

Всё пропадёт в моём окне,
 не будет даже тени.
 Занавеска качнётся на какой-то
 волне: то ли дух выплывал,
 то ли кто-то вдали кричал.
 В мире высокой науки
 мозг перестал быть загадкой,
 он не твой и не мой,
 он принадлежит Вселенной.
 Это не я сидела в саду,
 распевала любимые песни.
 Мне казалось,
 надо мной небо моё,
 иначе зачем я здесь?
 Взвою от всей души,
 осознав Вселенскую силу.
 Чувствовать буду всё живое вокруг,
 и не страшно
 будет исчезнуть.

Где мои милейшие подруги?
Ушли, мне не сказав хороших слов.
Легко порвались нити отношений,
в клубок обид сплелись.

Виновата моя натура:
улыбчивость добра
рука об руку
с усмешечкой идут.
Над мелочью обид
витают мелкий бес
и ангелы в хоралах в разнбой поют.

Творцу обидно,
жизнь отпущена на срок короткий,
и наблюдая сверху,
кофе пить приходится
без удовольствий.

Горит свеча,
горит неровно.
Подмигивает тьма.
Огонь живой, душа живая.
Наплыв картинно застывает.
Тает воск,
подсвечник слезы собирает.
Между собой и зеркалом,
свеча мигает.
Войду в тот коридор,
манящий предсказаньем.
Иллюзии, согретые дыханьем.
В сполохах видений нет новизны.
Миг чародейства и
пустота...

Звезда блистательна во тьме,
 неведома и далека,
 и ярким днём она не меркнет.
 Созвездие моё! Храни себя!
 Пусть свет идёт до разума и до души,
 потом обратно.
 Пусть сердце веселее бьётся.
 Жизнь полна упущений.
 Каждый день – закат и восход.
 Каждый день – приближает уход.
 Медведица! Ковшом из космоса
 лей благодать.
 Я увижу себя в серебряном свете,
 буду казаться не тем что я есть.
 Под небом высоким, под сияющей пылью
 звёзд
 кто себя не ощущал планетой,
 на которой своя волшебная жизнь.

Два серебряных бокала
 блеском прошлого сияют.
 Погружаясь в этот свет,
 видишь бархатную скатерть
 в узкой вазе хризантемы,
 кружевную поэтессу
 в фиолетовом экстазе.
 Время, цену набавляя,
 в ожиданьи капиталов,
 не идёт и не течёт.
 Лишь тоска, печаль рассвет,
 даль туманна, музы пламенный привет.
 Два стопарика и водка,
 бесконечный спор о вечном.
 Ветер, дувший ниоткуда,
 музу и стихи унёс...
 Холод скуки,
 механизмов скрип
 занудный,
 к фокусникам
 муза подалась.

Две скрипки,
 одна уже вольяжна
 и где-то снисходительна
 с высот.
 Другая молодая,
 с лица согнав девичью миловидность,
 с ожесточением мастерства
 из музыки характер извлекает.
 А музыка в полёте перед пределом,
 замирая, взлетает вихрями
 мучительных восторгов,
 которые сродни провалам.
 Из азбуки творенья в звёздный путь
 душа из мира в мир летит.
 И радости земные
 перед победой музыки
 себя не узнают.

Души волненье – мелководье,
 дни на исходе – онеменье.
 Понять, поймать ту точку,
 где сходятся пути, сжимающие дух
 до тетевы напряжения
 для творчества и для полёта.
 Мелькнет вдруг нимфа
 или муза пролетит,
 с душою слиться захотев.
 Качаются на ветках листья,
 о поэтическом шумят.
 В проекции от гениев трудов
 на мраморе могильном
 в недостижимости точки.
 Уплыть в безбрежность,
 раскинуть руки,
 глаза упереть в себя –
 простое упражнение
 для познавания смысла.

Если б я жила, где хотела,
выбрала бы горы и море.
А живу при болоте,
тут солнце – лучший подарок.
Вышла бы я в Астрал,
встретила б любимого поэта.
За парой строк его
дыханье Бога слышно.
Бог бы меня отметил,
но вряд ли улучшил,
ведь человек ничтожен,
надо усилий много, а взять их негде.
Если б у меня крылья были,
потеряла я перья все.
Падшей тогда бы назвали,
ко мне бы личность пришла.

Если кто-то узнал или понял
как с души одинокость снять,
он с Особой известной
встретился взглядом,
когда та поправляла косу.
Был разговор или не был,
ангел не вёл протокол.
Дверь в иное всегда приоткрыта,
хочешь входи или хоть загляни.
Ужас ужасом не называя,
в пятна контакта с родной
или с забытой всеми душой,
попадая,
в сфере высоких сил
про одинокость бессмысленно
говорить.

31

Если б у жабы была прыгучесть,
 станцевала бы танго
 с жуком майским.
 Неизвестно откуда
 возникают желанья.
 Тихо сидеть,
 хватать пролетевшую муху –
 это уже вчерашний день.
 Ни с того ни с сего
 запоёт ни к городу, ни к селу.
 Слышит: «Неэстетично!»
 Взор у них узкий, а у жабы
 округлый, и существо она
 необычное!

32

Жизнь – непрошенный подарок.
 Год за годом
 подарок-клетка
 очертания меняет,
 прорастает болью и быльём.
 Вниз, как по течению щепка.
 Вверх, как поднимается пушинка.
 Обрекая себя на труд.
 Обрекая себя на старость.
 Обрекая себя на уход,
 знать хотим про то,
 откуда вернувшиеся говорят:
 «Там Пустота, великая,
 Но всё равно Пустота!»
 Не верится!
 Жизнь – философия глупости
 и грусти.

}}}

Журавли прокричали:
«Осень!»
Часть жизни уносят.
Не засеяно нынче поле,
обида они не скрывают.
Остывает солнце
неотвратно,
подоспевший ветер
пугает.
С тоской вперемешку
счастья им пожелаешь.
Ночью с бессонницей верной
часть души с ними
летает.

}}4

Заката роскошь и утрата,
крик птицы не ясно какой,
воздух темнеет уснуть торопясь.
Ночь поглощает волны
того запредельного платья,
когда без всякой печали
грёзы на нём вышивали
букеты любимых роз,
а нервы корсет крепили
и кружева по поводу плели.

Грехи, мечты и искупленья
кантиком с бантиком около шеи.
С головы искрами рассыпаются мысли
о конкретности всего и всех.

Но только туфли утром надену,
без магических слов
солнцу хвалу пою, чтобы жизнь замирая,
в пространственной Вечности
сохранила время, в котором живу.

Зима, свой минус прикрывая снегом,
 со светом развлекаясь,
 задумала
 чувствительность отнять.
 Спасительный огонь –
 как дар тепла,
 как тяга тел
 к соитию да ещё со страстью.
 Темнота накрывает снега,
 наперекор не теряют
 они белизны.
 Небеса открывают со звёздами
 бездну, иные миры,
 жутко думать о них.
 Наглухо закрывшись одеялом,
 смотришь сны о солнечной Весне,
 о Весне, которая красна и
 несравненна, белый цвет –
 это трепет и нежность
 цветов.

Игра и правда
 отражаются
 друг в друге.
 На гранях,
 чередуя тайные картины,
 на картах будущим нас оживляя,
 фантазией расцвечивают жизнь.
 В бессильи что-то распознать
 на помощь Бога уповаем.
 Несовершенство
 ровного пространства.
 На нём несовершенные фигуры
 играют Дьявола и Бога.
 и соблазнительную жизнь.

И разноцветное сознание,
 азарт успеха всполоснув,
 уходит в чистое сознание,
 сверхчувством
 украшая жизнь.

(деревня в Псковской области)

Каждая осень – новая грусть
 Красные листья в луже горят,
 кажется, это красиво.
 Деревья же голы, темны их стволы,
 заметно, как они постарели.
 Суть промотав, твердь раскисает,
 хлопает, злится, мстит.
 Из высот кристаллы совершенства
 упадут, может душа взбодрится?
 Обернусь во что-нибудь красное
 на снегу это будет красиво.

Конец октября.

Как завораживает стих?
 Как та звезда,
 что отблеском далёким
 души своей и всех причастных
 затягивает в высь
 и накрывает облаком восторга.
 И слабый звук,
 и звуки громогласных
 проход распахивают
 в Вечность.
 Как жажда мучает,
 как прозябанья страх страшит,
 и грусть, спадающая ниоткуда,
 среди житейского волненья
 сокровищем в стихи восходит.

– Ну, все принялись стихи
писать (ворчание)

Как не писать?
Ведь граф распорядился
бумаг подать на стол,
что письменным зовётся.
А тот предмет, что оставляет на белом след,
среди прописных заглавную выводит пер-
вой?
А муза? В истоках демократии она возникла
и рада ...
любому страждущему мелодию напеть.
И памятник рукой протянутый
божественность в душе благословляет.
Пишите, мальчики!
Пишите, девочки!
Пишите, зрелые мужи!
А женщины обязаны в поэзии
купаться для укрепления
любви!

Как страшно полюбить,
и в шуме ветра слышать
не высказанного шёпот,
и путаться в желаньях,
и беспокойством сердце наполнять,
и верность в миражах искать,
и неожиданно прозреть,
и удивляться прилетевшим птицам,
тем птицам, что гнала я от себя,
и воздух мысли кружит,
и разум боязно вопит:
«А вдруг
обжить придётся пустоту,
где медленно все чувства увядают.»

41

Картины Босха вмещают миръ
таинственный и непонятный.
В прозрачной сфере пара.
Они обнажены,
в прикосновениях греховны.
Как в мыльном пузыре они,
взлетев, защищены
на время их любви,
на время отношений,
где нежность в роде красоты,
когда сиянье глаз
в зеркалье переводит что прозрачно,
и наблюдатель видит лишь своё отображенье.
Но демоны не дремлют,
а ангелы бессильны, когда любовь
незнамо как, но вдруг куда-то исчезает.
И обнажённость сразу на виду, и впору провалиться
в преисподнею.

42

Клапан открылся, кровь полилась.
Это метафора, однако
красная нить змейкой тонкой
миг иной озарит.
Защемит сердце,
метнёшься на зов,
лишь вы хватило сил.
Как истины одной на всех
(хоть поиск вдохновенен),
нет и не будет никогда,
так сердце женщины –
огромный миръ,
в нём свод законов переливчат.
Что от того, что разум есть,
Что от того, что можно,
не жалея жить?

Когда мрачна с утра,
 беседую с землею. «Ты не забудь, –
 мне говорит она, – Не будет утешенья без меня.»
 О Жизнь! Покажи красоту,
 над которой кружится смерть.
 Вдруг пропадут слова,
 промелькнут полётов следы,
 смех оторванных струн зазвучит.
 О Земля!
 Нам надобно знать,
 где хоралов места,
 где вступив в унисон
 мировому созвучью любви,
 свою ноту внести,
 зачеркнув остальное крестами.
 Моё сердце вопит, душа в волненьи:
 в зазор между годами уходит жизнь.

Когда при встрече много печали
 при всей благодати, жившей в душе,
 уже не получишь толику счастья,
 о чём представлялось
 в тот самый момент.

В момент нахлынувших волн
 тёплого утра, восходящего солнца,
 через ветви цветущих деревьев
 силуэт рисовался с картин Боттичелли.
 И нет нужды в описании горечи
 от услышанных вскоре слов.

45

Когда ужи уползли,
гадюка смеялась.
Тупость людская –
гадость,
уползала надежда,
а с нею и радость.
Всё идёт и проходит,
декорации разные.
Прискакали кони,
громко и долго ржали,
в траве валялись,
разлетелась
с мусором
моя меланхолия.

Утренняя тучка кудрява и легка –
неверная подруга неверного дружка.
– Оставь меня в покое,
не понукай,
боюсь пролиться
я невзначай.
– А как же моё сердце?
Оно всегда с тобой.
Вздохнула глубоко она,
и не пролив слезинки,
за ветром понеслась.
Реальность, где она?

46

Красное вино в прозрачном бокале,
волнуясь метками на тонком стекле,
пишет строки стихов и романов.
Строчки бегут рекою беспечною,
манят игрой в кутерьме бесконечной.
Юная нимфа над сатиром смеётся,
природа вокруг волшебством опоила.
В бокалах вино, поэзия рядом,
не кончаются речи,
кончаются дни.

Я в душе своей, однако,
полу укрощённая деваха,
что-нибудь своё ещё спою.

*В саду в Дуброшкино
в 1917 году*

Кривая линия дорог,
 за ней изгиб реки.
 В любой кривизне
 плещется геометр.
 Как Лобачевский жил,
 отказавшись от прямой?
 Подходит к краю,
 пересекает плоскость по прямой
 и становится точкой упрямства.
 На поверхности люд мельтешится,
 кто-то хочет уйти по прямой,
 а прямая – она кривая,
 прогибается над пустотой.
 Сердце и разум
 бьются о сферу,
 а свобода теряет всё,
 ищет выход из лабиринта,
 который завораживает
 кривизной.

Лицо моё бережёт харизму.
 На остров одичалый курс держу.
 В сумраке предположений
 призраки хромые
 играют в поддавки.
 На верхней палубе сижу –
 закаты ли, рассветы,
 всё мне к лицу.
 На лице выражение грусти,
 на губах улыбка чуть-чуть.
 Уплывает бригантина,
 зыблется силуэт.
 На острове собственном
 из призраков
 безродных, хромых и неумных
 строго ровные ряды.
 Процесс стихосложения,
 не более того.

Луна давно не появилась.
 Душа, не любящая мрака,
 затосковала, готова плакать.
 Фонарь – привет поэта –
 сочувственно кивал.
 Его совет:
 свернуться в маленьких клубок,
 тепла и света хватит.
 Начнёшь любить себя,
 обманывать,
 миры другие рисовать,
 и тот, и этот ...
 Душа взбодрится, запоёт
 и может стать счастливой,
 как та луна,
 что прячется за облаками,
 ей дела нет до нас,
 она кругла по жизни.

Мечется месяц в мелкой воде,
сам себя видеть не хочет.
Горелой кожей лес шелестит,
ужасом дышит пепел.
Добычу филин не хочет есть,
горестно затихает ветер.
Корни стонут глубоко в земле,
им весной надрываться.

Полюса отклоняются от оси.
Широты, долготы, меридианы
и даже спокойный экватор
Землю покинут,
уйдут воевать.

Мечта растворяется в дымке,
 красной кормой уплывает в даль.
 Ветер надежду в парус вдувает,
 исчезают следы на воде.
 Бесформенной становится мечта,
 едва мерцают огни.
 Дробится поток:
 письма, фотоальбом, дневник.
 Навязчиво заунывная песня
 не меняет мотив:
 жизнь растворяется в дымке,
 исчезают следы.

Мною он был болен, не мною,
 а я вообще не желала болеть.
 Быть здоровой коровой,
 гулять по лугам
 мордой на Север.
 Вот вчера холодным дождём
 умытая,
 не могла согреться никак.
 Только водки стакан с мёдом,
 лимоном и живой огонь.
 Это из жизни другой.
 Я иду по дороге девчонкой
 голодной, мне с собою лепёшка
 из акаций стручков, клевера
 цвета и немного муки.
 Эта дорога всю жизнь мне снится,
 Я иду и иду по ней,
 что-то в руке держу,
 а в голове маячит одно:
 эта жизнь не моя, будет другая,
 повернётся на Юг.

Над вымыслом расплакаться легко.
 Законы не нарушишь,
 и в лужице пролитого вина
 слезам купаться в самый раз.

Если б душа не искал солиста,
 не попала бы в тесную клетку,
 не стонала бы в прутьях
 большого хора.
 Вот об этом поют соловьи на ветках.
 Хорошо, что птицы не плачут,
 знай делают своё дело.
 В человеческих жизнях
 интеллигентные дьяволы,
 кикиморы и Гоморры
 пляшут и плачут и ...
 пишут стихи.

Наука о времени

В глубине подсознания
 крылья расправила тьма.
 Мгновения перебирая,
 поле времени вижу.
 Летящая стрела
 нанизывает всё без разбора.
 Ещё у времени упругость есть.
 И в прошлое закидывая мяч,
 удар обратный непредсказуем.
 Время – понятие
 о промежутках действий.
 Несколько промежутков
 не забыть никогда.
 Вот и всё время,
 Вот и вся жизнь.

Не было рук у мечты,
 не было материала.
 Дом рушился сразу.
 Раз за разом сыпалась грусть.
 Пыль одна,
 да немного тумана.
 Над головой что-то скользнуло,
 прошло сквозь пальцы потом.
 Птицы летели мимо,
 скинули страх.
 Падаю вместе с солнцем
 в колючую темноту,
 в те места,
 где пейзаж
 всё что видел и знал,
 в себя он вобрал.
 Как в собраниях книг,
 души в тех блаженных местах
 сами себя листают.
 Там маленьких вселенных свет.

Не я ли брела, не глядя под ноги,
 глаза почти что закрыты,
 хотелось присесть на зелёной траве,
 раскрыться навстречу чему-то.
 Не может же быть,
 чтобы я продолжила путь,
 в котором нет смысла.
 Однако всё так:
 нет нужных слов,
 всё та же игра
 без выигрыша и без финала.
 Партнёр молчалив:
 козыри на руках,
 убеждён, что мир
 должен быть
 неизменным.
 Карта не шла.
 Какие б не выбрала я
 сочетанья, тональность
 всё та же.

57

Нити прошлого мотаю в клубок,
клубок превращается в горб,
скрыть не позволяют морщины.
Память – без музыки танец.
Боже мой! Мама, я постарела.

Платье детское, кружевной воротник,
клетчатый бант сияет в толпе.
Первые туфли на каблуках.
Первой любви предсказуемый крах.
Раскрашенная рутина –
вот тебе жизнь.

Гляжу на повзрослевшую внучку,
ощущаю себя фонарём у аптеки,
фигура в витрине на кого-то похожа.
Опять я к тебе, мама!
Пройдись по снам моим,
в мире твоём жизни мера известна?

58

Ночью крутишься в кровати,
динамо-машину изображая.
У какой бензоколонки
получаешь такую
заправку.
Где-то девушки босиком
бегут
по зелёной холодной траве,
я шерстяные носки надену,
буду читать умные книжки.
Там всегда найдешь фразы
о любых вариантах жизни.
Хочешь пройти пешком
через море,
и узнаешь, что в этом
нет смысла!

Обида свернулась в кольцо,
 в душу упала,
 как в море уходит пловец
 плыть и плыть,
 пока хватит на это сил.
 Захлебнулись злые слова:
 «Отомстить, отомстить!»
 Обиды растут во Вселенной.
 Одну планету перестали планетой
 звать. В пустоте холодной
 от обид иногда пропадают звёзды.
 Обижается Солнце,
 беда от его обид,
 много пятен, всплески гнева.
 И нечего думать, чтоб его оскорбить.

Облаком иль тучей
 подсознание плывёт.
 Ангел Гения летает,
 перьями слегка касаясь,
 «Бейся,» говорит, «об стену,
 может отвориться дверь.»
 Что за нею?
 Подсознание шлейфом тянет
 образы воображенья.
 Ангеловы искры
 мимикрию сердца
 в трепет Божий обращают.
 Рукою очи прикрывая,
 в незнаемый поток
 вхожу.
 Двери осторожно
 закрываются, следующая
 остановка «Парк шизо,»
 а может «Цирк.»

61

Меня обманывают люди,
 меня обманывает зрение,
 Я вижу символические знаки,
 за ними прячутся враги.
 Обманом полнится мой день,
 обманщики толпою ходят
 и заполняют то, что кажется
 правдивым.
 Ночной обман – он очень тонкий.
 Душа не знает, как ей быть.
 Поверит снам, а это просто трюк
 уставшего от света тела.
 Душа готова уходить,
 всегда на взлёте хоть к Богу,
 хоть куда-нибудь. Обманывает
 сердце телеса. Рассчитывая
 на тонкий мир, на жизнь
 в космическом пылу –
 бессмертия большой обман.

62

Он любовь презирал,
он казался себе героем.
Смешны ему женщины,
презренны мужчины.
Он считал себя гостем везде и во всём.
На нём бедовала пушинка.
Прилепил её ветер где-то у сердца.
Появлялись небесные знаки,
облако не просто висело,
оно форму меняло, тень наводило,
что-то сказать хотело. Это его раздражало.
И вдруг мужика не стало.
Ветер опять пушинке рад.
Неправда, что место её случайно.
Она любила, к кому прилепилась.
Вздохни потяжелей...

Я пишу письмо в глухомань,
 стадо букв расставляю так,
 чтобы пастух кнутом
 организовал коров.
 Стоит ли жизнь свою
 благом считать,
 если за каждым темнеющим «нечто»
 может стоять «некто с бедой»?
 Я задаю вопрос:
 «что происходит с коровами?»
 Природа поджигает губы:
 «Я не прекрасна,
 больна, да не только я!»
 В распахнутом небосводе
 Божьи помыслы можно
 прочесть, как угодно.
 И нечего задавать вопрос,
 И нечего ждать ответ.

*Моему
 молчаливому
 возлюбленному.*

Предчувствия дразня,
 приходит безоглядность,
 выплёскивает жесты,
 растерянным подростком замираешь.
 Птицы в стае, вписавшись в поворот,
 крылья сложив, как попало садятся.
 Хлопнули двери клапанов сердца.
 Всё затихает. Одна птица поёт.
 Тоска у женщины – выходное платье,
 под луной красуясь, к небесам
 с вопросом: «Где то счастье,
 о котором мечтаешь?»
 Птица поёт. Хорошо, когда
 тебя слышат.

Она хотела умереть
 под цветами
 белой ночью при полной луне.
 Слёзы лились из глаз тех, кто
 ощущал утрату,
 надеялась на это она.
 А ещё ей хотелось
 среди неживых
 ощущать прежний мир,
 ощущать неизменную
 память о ней.
 Серебристое платье
 должно висеть
 в шкафу одиноко,
 умершим прошлым
 мерцая.

Осенний сброс –
 Всё летнее богатство
 теряет тайну,
 обнажившись
 И женщина,
 расслабленная летом,
 стремительно приобретает
 стресс.
 Рука с кофейной чашкой,
 и выражение глаз
 застывшее,
 и остывающий напиток
 недопитый
 предсказывать события могут.
 Таится в воздухе зима,
 предчувствием сжимая сердце,
 под снегом созревает
 новый стресс,
 и женщина становится
 суровой.

67

Открыло лицо своё Зло.
Ложь приглашена на встречу.
В этой дружбе есть резон.
Справедливость им не нужна.
— Крутого кипяточку выпей кружку.
Большое дело есть.
— Мне холодненькой бы водки,
для важной встречи кипяток?
— Ну не ной!
Вот и Правда подошла.
Что надутая такая?
Малахольные мои!
Вам ловушка без затей,
посидите взаперти.
Космос не про вас.
Спохватятся, конечно,
будут Ложь и Правду звать.
Найдут свои печали, не успеют
и понять.
Смерть готовилась давно, что там коса?
Слизью белой всё покроем.
В строй безжизненных планет
встанет бывшая Земля.

68

Отшелестела осень.
Бесконечной возможностью
отраженья
превращают людей в угольники.

В саду чахоточных строений
потемнели верхушки лёгких,
подались к халатам белёсым
фигуры печальных созданий.

Слабость прелой травы
прорастает красным цветочком,
полуожившую бойкость
романсом качает больничная,
койка.

Отшелестели мятежные речи,
захлестнула горечь утрат.
С Вечностью разбирается
каждый сам.

69

Охранный колокол забил тревогу,
 иль ветер грохнул
 шифером крыши.
 К ночи страхи сил набирают,
 полноватой особой луна
 в силуэты играет.
 Тёмные всадники на снегу
 отчего появились вдруг?
 Душа растревожена:
 любимый болен.
 Меняется время,
 набирает вес.
 Катится всё, как шар скарабея.
 В какой-то миг
 всевышних сил подмогу просишь,
 и, раскрывая крылья,
 нежностью ангел боль укрощает.

70

Пастух, державшийся за посох,
 за землю,
 в подражание предкам,
 чтоб не лететь за овнами
 в небесных сферах,
 кочевниками, как и он.

 Уж сколько раз,
 не чувствуя опоры,
 задрал головушку,
 скорбящую о небесах,
 вдруг,
 Демона тоску и одиночество
 прочувствовав,
 на философию пастушью
 плюем.

Переливы настроения.
 Лёгкой тканью вдохновенья
 ложатся на бумагу строчки,
 на холст ложится красочный рельеф.

Скользящие чувства.
 На порогах любви и жизни
 камнеломок цветочки
 тихим буйством цветут.

Ушедшего повтор.
 Из прошлого сюжет знакомый.

Судьбы узор?
 Новизной острый угол
 размять и украсить.
 Тот пейзаж
 под луной не раз и не два
 поменяться может.
 Не раз и не два
 изменится жизнь.

Печали жаль –
 дар юности ушедшей.
 Той ночью сердца грусть
 при той особенной луне,
 и крики птиц взлетающих,
 и те места,
 где виден горизонт,
 таинственно мерцавший.
 Звоном тонким рвётся сердце.
 Крупной солью разъедается жизнь.
 В дебрях душ
 гнёзда тайные сберегают
 то, что в небе проносится,
 то, что звёздами падает,
 то, что во времени долго живёт.
 Одержимая жизнью душа,
 ты боишься остаться одна?

Писать на бумаге,
 чтоб горела бумага,
 чтобы полёты души
 не душили свободы,
 той свободы,
 за спиной у которой
 льётся песня,
 схожая с гимном.
 Крылья со свистом рассекают твердое небо,
 перья вздыхая
 завихряют воздуха струи,
 сердце, терзаясь,
 буквы заглавные
 часовыми ставит.
 Вот стихотворица,
 глядя на солнце,
 хочет петь то, что буквами не обозначишь.

По кладбищу прокладываю путь.
 Никчёмных роз букет
 родителям несусь.
 Их нет на этом месте,
 их нет нигде.
 Есть только память
 и этот пяточок,
 здесь горевать по чину.
 Вина с годами, как гроза,
 прольёт наполненные тучи,
 душа очистится слегка,
 смочив платка комочек.
 Груз бытия,
 завалы памяти трут жерновами,
 и оглянувшись уходя,
 пространства
 замкнутость увидишь.

75

Половина луны, половина сна,
 две звезды в небесах,
 и на млечном пути
 в никуда дорога.
 Ночь молчит.
 В глазах серебрится свет.
 Пауза.
 Мираж воды вдали.
 Разум ничего не успел понять.
 Лунные сновидения –
 ангелов воображение.
 В глубине мгновений
 воздух рисует образ.
 Выуживай и твори.

76

Постарайся уснуть
 пока месяц не смотрит в окно.
 Как красиво ушла
 тень от дверей.
 Отверни одеяла кусок,
 пусть воздуха вдох
 напомнит прогулки урок.
 Там у пруда,
 подвернулась нога,
 ты с трудом поднялась,
 осознать было страшно,
 что вокруг никого.
 Одиночества страх
 не в стихах, в молчаливости
 воздуха, в пустых небесах,
 да во всём,
 когда не уснуть до утра.

Поток,
 как взрыв,
 как заполняемость мгновенья,
 как мысль последняя перед молчаньем.
 Урок или урон
 бескрайней пустоты
 при неизбежности потерь
 захватывает ум.
 Всё шло и проходило
 дворами проходными,
 воспоминанья следом.
 Маляр раскрашивает стены,
 пейзажи превращаются в портреты,
 в портреты женщин...
 Тела и лица
 выпархивают мотыльками,
 и времени летящая стрела
 нанизывает их.
 Не плачь!
 Воображенье это, а не судьба.

Преддверье творенья –
 падение в пропасть,
 оттуда,
 цепляясь за выступ любой,
 скорей бы в просторе
 крылья расправить,
 парить над той бездной,
 потоки искать,
 чтоб крылья в размахе
 подольше держали
 на той высоте,
 где нет горизонтов,
 и нет никого...

Прибило к берегу души
 то, что мучительно и странно.
 Так свет, возникший ниоткуда –
 надежда слиться
 с мудростью веков.
 Кто-то узнал,
 как управлять Вселенной,
 и Земное упало в цене.
 В вечерний час по нити бытия
 спускается паук.
 И пядь Земли принадлежит ему.
 В Пустоте безупречной
 дрогнуло что-то.
 Палисадник и домик в памяти
 будут жить вечно.

Приснилась длинная лодка,
 Я её донесла до реки.
 Вода голубой не была,
 больше похожа на белый кисель.
 Кричу во всё горло:
 «Все приходите,
 может мы доплывём
 до не мнимого счастья».
 Река жизнью неслась,
 гребцы дураками были.
 Всё разрешил туман,
 в болоте мы оказались.
 Я внутренний голос
 должна распознать, но
 всё погрузилось в незнание.
 А всё от того, что
 мы давно утонули.
 Может это и было счастье.

Где ангелы имеют свой приют?
 Быть может это параллельный миръ?
 Незримо,
 шурша по воздуху полётом
 своё присутствие даруют.
 Как с облаком
 встречаешься ты взглядом,
 душа на небеса открыта.
 Я ангелу кричала: «Помоги!»
 И слышу: «Сполна отпущено всем сил!»
 Ангел в своём отчаяньи
 лучезарен,
 его эфемерность –
 души дыханье.
 Слышен лишь звук,
 ангел – лишь слово –
 Богово слово.

*д. Дуброшкино,
 2009 год*

На своё восьмидесятилетие

Ах! Прожитые годы!
 Они оставили меня,
 иные времена прибились,
 особенность –
 их осторожность.

Спустилась к морю
 у Мальты берегов,
 камень острый и
 бьёт прибой.
 Болталась в море голубом,
 за поручень осклизлой
 лесенки держалась,
 солнце надо мной смеялось.
 О море!
 Будь снисходительным
 и нежным, ох!
 Эта просьба ко всему.

Пространство кривится,
 как рот Сократа.
 По солнцу движутся
 протуберанцы.
 Безумный школьник
 не учит грамоту,
 он принимает из Космоса
 знаки.
 Старухи Хармса
 в суд подали,
 их ущемляют права человека.
 На улице умалишённых
 пропавший кот домашний
 голубя доедает.
 Не прыгайте, девочки,
 с домов двенадцатэтажных,
 это давно проделали Хармсы.

Простушкой незлобливой,
 не обременённой мехом и шёлком
 тоже,
 кому-нибудь да нужной,
 сижу я на пеньке.
 Ловит ухо чутко
 шаги глухие Командора.
 Немая сцена вот-вот произойдет.
 Я упаду
 и буду притворяться мёртвой,
 а он заткнёт меня за пояс
 и победителем внесёт в свой дом.
 Он кормит меня просом
 и хочет, чтоб я пела
 и круглыми глазами смотрела на него
 И если он узнает.
 как скучно без того пенька,
 решит, что у него нет счастья,
 и счастье – высоко!

85

Разбуженный бутон
с победной нежностью
раскрывшимся венцом
для Девы избранной
Архангелом –
 небес посланцем –
 принесён.

Ношей тяжкой
клонит предчувствием
голову ей.
Вся тяготы мира снесём,
лишь бы не высохали
 капли добра,
лишь бы лилию было
кому передать.

86

Река перемен изогнулась
и вспять потекла.
Гладь глубины,
встречных памятных вод,
течений борьба –
это мир длительных отношений.
Загадок полно.
Было ли море холодным?
Жемчуга с переливом игристым
вдруг превратились в пламя
Было ли пламя красным?
Вдруг все стало белым
Тает снег по причине тепла,
Душа ледяными слезами плачет.
Плата за фразу, взрывной волной
берегов достигает.
Дознаватели ждут. Истины нет.
«Да...», говорит участковый, -
«где взять расчёты
участия каждого?»

Голый торс, волос волна,
 над торчащими грудями
 грубоватое лицо.
 Эта женщина когда-то
 боевой подругой была,
 а теперь пугая Посейдона,
 на носу военного фрегата
 держит курс на войны и грабёж.
 Этот монстр из дерева с железом
 тяжкая продолженность её.
 Из ствола, прожившего сто лет,
 вырезали трепетные руки,
 остановлены души частицы
 в деде в одиночестве парящей.
 Потому она в слезах и в грусти
 дар один – сгореть в сраженьях.
 Потому быть рострой – ещё одна
 мистерия любви.

С моей бессонницей,
 на выдумки богатой,
 лежим, перебирая на аукционе
 из ряда вон. Моя сущность проста,
 только где-то в сторонке
 клетки мозга бредят о том,
 чего не было и не будет.
 Пройтись бы у моря,
 где вечность топчется,
 а с башни из слоновой кости
 поэт взирает.
 Красуются хвостом павлиньим
 стихи, увядшие к утру.
 Картинка цветная отпечатком
 черно-белым притягивает сон.
 Топают время за дверь.

Сквозь музыку листвы
 мышиным шорохом вечерним,
 сквозь мелкий дождь
 сплетаю сеть из слов
 для ловли звёзд,
 заманчиво блуждающих на небе.
 На опрокинутом прошедшем отраже-
 нии
 дрожит и кривится обиды тень.
 Жду просветленья, не дождусь.
 А ночью снится сон
 Я без ноги, держу одну туфлю,
 и плачу, и плачу
 несправедливо полную цену.
 Днём в отчуждении от всех
 и от всего хожу,
 а следом одноногая обида.

Скоро Вечность,
 как осень приходит
 с тёплой нежностью
 с ожерельем цветов и плодов,
 вдруг заплачет,
 сквозь слёзы душу морочит
 и сединой начинает пугать
 Перед тем, как укрыть
 мехом пушистым,
 жёлто-красный подымет покров,
 ветром молодости взбудоражит голову
 и вуалью закроет лицо.
 Судьбы моменты выпархивают мотыльками,
 времени стрела нанизывает их.
 Поток, как заполняемость мгновенья,
 как мысль последняя кричит:
 «Как этого мало!
 Как много хотелось пройти!»

Слова...
 Листва, гонимая ветром,
 собранное –
 поэзия и проза –
 в бумажном переплёте,
 листает страницы ветер,
 слетают с губ звуки.
 Жаждет душа смысла,
 слушает ветер,
 любит луну и солнце,
 петь хочет!
 И потекут слова,
 как осенью
 не думая, и не мечтая,
 в реке плывёт листва
 во всемирную сущность.

Слово «Вечность» –
 что оно значит?
 Это не жизнь в морозную зиму,
 она бесконечна, сковано всё,
 но это не вечно.
 Поленья в размахе огня
 будоражат мысли о скоротечном.
 Дым уходит в небесный покой,
 там, наверное, вечность.
 Горят клочки скомканных строф,
 узнать пожелавших истину.
 От глупости человеческой устал даже Бог.
 Снизойдёт до кивка,
 часть Вечности дрогнет.
 Чувствуют это поэты,
 Вечность у них на постое.

Снился мне сад
 в замшелом уборе,
 в сиротском поклоне
 яблоней горе.
 Не могут яблони
 без ласки людской,
 без радости при урожае.
 Старый дом,
 державшийся за память,
 кондовых брёвен
 сажень косая,
 дверь рассохлась
 с прилипшим засовом,
 и печь покосилась давно.
 Весной, ополоумев,
 всё оживало, цвело, зеленело и пело.
 Только дом угасал, его разобрали,
 часть сожгли,
 и осталось на этом месте
 союз духа дома и человеческих снов и
 песен.
 Плачут ивы у пруда,
 ноют комары, только птицы
 заывают: «стройте новый дом!»

Со следами былого,
 со слезами о будущем
 неуверенно и самоуверенно,
 как будто в глухом лесу
 набрела на холм высокий,
 где светится волшебство.
 Там на стадии созревания
 поздний цветок растёт.
 Семечки – зёрна истины.
 созревая, падают, пропадая в земле.

Живописуя свои неудачи,
 играя на одной струне,
 сверхъестественным называю
 обыденность и пытаюсь в чудеса
 превратить. Тут и слёзы,
 и вдохновение, и невероятные –
 выходы из тупика.

Струны памяти любви
 в тёмных рощах зазвучали.
 Над водой озёр зеркальных
 тайны грусти и веселья
 схоронились в камышах.
 Слышен шёпот о прошедшем,
 слышен стон о всех утратах.
 Тишина – уже страданье.
 Молнии удар бы,
 чтоб душа преобразилась,
 островок любви воскрес.
 Прошлых радостей
 цветенье
 не осыпалось впустую.

Судьба,
 как художник,
 жизнь рисовала,
 в лабиринт запустила,
 многое пообещала.
 Жизнь при закате
 ладони скрестила.
 Не того я хотела,
 получилось не всё.
 В житие моём
 есть чёрные строки.
 Что за писарь, скрипнув пером,
 помянув моё имя,
 кляксу поставил?
 Не истину ищу,
 в небесах просвет привлекает.

Сулила ли жизнь Вечный Май,
 может и нет, но
 ждать приходилось.
 Мозг трудился в темноте
 крошечной,
 тоска и тревога по телу сновали,
 о свете, как о комете с хвостом,
 все толковали и ждали.
 Вечный Май, скатавшийся в клубок,
 как на ладони уголёк:
 боль огня и радость тепла.
 В голове умещалось
 разнообразие всякое.
 Сердце билось, гнало по венам жизнь.
 Вечный Май, ожидание вечное,
 вечные скифы,
 боготворящие жизни огонь.

Творит поэзию Природа.
 Крутит ветер вихри и рифмы.
 Листья качая, ветви деревьев
 тянутся к тучам,
 те им картины пишут
 о будущих приключениях.
 Мечты сохраняя, зыбкость души
 в деревьях прячет желанья,
 парус Вселенной хочет найти,
 Космоса силы с поэзией прочно связать.
 Высветить мысли кусочек,
 брошка будет для музы.
 Она прилетит.
 Крылья расправит, и
 оглядевшись решит как ей быть.
 Беречь её будут деревья,
 нежностью листья обволокут,
 Прилетай, все тебе рады.
 Ждём...

Телами овладели друг у друга,
 хотелось душу предложить,
 и раскрывая
 дверцы затаённых закоулков,
 вдруг ужас в воздухе повис.
 Плывём в потоках жизни,
 теряя то, гордимся чем,
 хватая воздух ртом открытым,
 на Бога уповая,
 на Судьбу сердясь,
 желаем удивительного счастья,
 которого Природы Созидатель
 не имел в виду.
 Давай сравняем наши души,
 иначе снайпер срежет пулей
 одну из птиц,
 заставив иволгу заплакать.

Ты проехала по мне,
 родная улица моя,
 оформила свою страховку,
 наследники с песнопением,
 горящие фонари мигают.
 Ангелы, закрывши уши,
 поют хоралы о своём.
 Не хихикайте, бесы.
 Диоген на улице встретил
 только собак,
 когда искал человека.
 «Боже!» – воскликнули монахи.
 «Просвета нет на небесах
 и в душах наших потемнело.»
 Мимо проходит мать Божья,
 удивляет спокойствием:
 «Всё идёт своим чередом,
 и вы оказались там,
 где оказались.»

Ты собака, я человек.
 Дарован тебе тонких нитей клубок
 в переполненном запахом мире.
 В кокон своей любви
 навсегда ты меня вплела.
 Радость кружится
 на конце хвоста.
 Мокрым носом передать
 свои чувства можешь.
 В клетку душу свободную
 добровольно ты заключила,
 с укоризной на злобу людей глядишь.
 Твой мир другой!
 Может меньше было б
 во мне тоски,
 без твоих понимающих глаз.
 Но, наверное, так суждено,
 быть нам в связке одной.

У ангела нет перстов,
 и уста ему ни к чему.
 Вспыхами белыми означалось
 что имелось ввиду.
 Тот, кому ангел являлся, видел звезду в облаках.
 В мозгу возникали знамения, перед глазами
 образ вставал.
 Непостижимы жизнь и любовь, а ещё смерть
 недовольна и зла.
 Пустота и печаль душевных глубин
 заставляет сердце искать пути.
 Среди звёзд, без всяких причин, будет сердце
 сиять в темноте.
 Ангел вспыхами белыми
 не дает нам забыть о нём.

103

У глаз моих
не отобразить зеркаля.
Свет отражённый
в мозгу высвечивает театра сцену.
Актёры – мысли,
любую роль исполняют.
Я режиссёр.
Финал отодвигая
к краю сцены,
маячит где последний акт,
во временных потоках
черчу круги
для собственного эго,
для путешествия...
В просторах Космоса,
на чудный уповая мирь.

104

*После одного
поэтического
вечера*

Хмурым осенним утром
нора Алисы снится.
В руке просунутой
зажаты ягоды отравы.

Продравшись сквозь колючки,
душой к тоске припав,
испробовав напиток вредный,
страдалицы примеришь ореол.

И неприкаянность желаний
покрасив в нужный цвет,
услышишь тихий шёпот
крота слепого среди ходов
подсознания вечного.

27.11. 18 г.

163

105

Чертополох
красив и местами
нежен, слегка спесив
высокомерен.

Стебель крепок,
шипы, как штыки,
путь озаботятся враги.

Он не зол.

Фиолетовость лепестков,
их утончённость –
мечта о жизни –
не на обочине...

106

Что с тобою, мой милый?
Не гляди на меня с повинной.
Мне самой в церковь сходить охота,
подивиться святым

в драгоценных окладах.

Я бы одежды, расшитые
жемчугами,
носила с надеждой.
чтоб грехи, обрамлённые золотом,
тихо винулись, звенели и пели.
Нет ничего краше на свете,
чем житиё с любимым.
Хорошо ещё ходить по дорогам,
видеть солнце разгорячённым,
угодить в водицу холодную
и понять хаотичность
прошедшую.

Я летаю на границе,
 приземленья точки нет.
 Есть пустынное местечко,
 там лежишь, раскинув руки, –
 в бесконечности мираж.
 Что реальность?
 А фантазии про что?
 Глаз, как лазер, режет жизнь,
 в результате отпечаток
 на холсте иль на бумаге,
 на душе, иль в голове.
 Лишь незыблема граница,
 видишь ты её иль нет.

Я тихо по облаку шла,
 со мною была собака.
 В одной руке ведёрко с водой,
 другая слепней отгоняла.
 В хаосе лёгком,
 заценив чьи-то мысли,
 остановилась в недоумении,
 части слов и целые предложенья
 путаться под ногами стали.
 Два слова «времени край»
 подтолкнули на землю меня.
 Ладно, что не так высоко занесло.
 Я тихо по полю иду,
 со мною моя собака.
 Вода дождём пролилась,
 немного пришлось поплакать.
 Если б доктрина была,
 шла бы и шла сколь угодно
 по краю,
 но ветвятся пути
 у родословного древа.

Я для земли своя, не зря
 корнями знакомы мне
 деревья и кусты.
 И в увядании травы
 услышу песенки сродни
 их смерти.
 Настрой Природы ощущаю
 опавшими плодами,
 неврозам камней,
 прикосновеньем звуков птицы.
 Пока жива душа,
 Я чувствую к Земле причастных.
 Чудеса, что видятся
 мне по ночам,
 – измеренье забытого мира.

Когда чувствительность,
 доходит до оси земной,
 и ты магнитное биенье ощущаешь,
 ты лёд у полюса Земли,
 а в сердце загнана игла.
 С губ сухих уж не летят слова,
 срываются стенания одни.
 Чужой стучится в дверь.
 – Открой!
 Открыть и позабыть себя?
 Как будто в ледяной воде
 явилось солнце, топит лёд...
 Вот я плыву, я чувствую волну,
 которая несёт в открытый океан.
 Я не открою дверь!
 Когда чужой владеет кораблём,
 дверь наглухо закрой.
 Стремится планета с орбиты
 уйти,
 невозврат, возгорания
 точка

22.02.2022

111

Осень приходит
 постоянно, как Вечность.
С тёплой нежностью,
с ожерельем плодов и цветов, а то
вдруг заплачет...
сквозь слёзы душу морочит,
сединай начинает грозить
Мудрые учат,
надо мол тихо и скромно всё принимать,
не бояться угроз, это же Вечность!
Перед тем, как укрыть мхом пушистым
жёлто-красный подымет покров,
ветром прошлого, как вуалью,
закроет лицо, зажмуришь лицо,
 и морозов приход не страшен.
 Белая пелена – это тоже
 Вечность,
да и все перемены земные...

112

Чистым звуком над нами летает
вся поэзия прошлых лет.
Желая истину познать, гощу у Меланхолии Великой.
Там, у моста,
над пропастью депрессий и серых долгих дней,
посредник есть, дающий лошадей
для неизведанных путей в пространстве.
Там жизнь,
держущая на поводке простую радость
с букетом полевых цветов, смягчающих
суровость бурелома, где дровосек и плотник
старательно достраивают дом,
где жить или не жить придётся каждому
бродящему по закоулкам. Я в аллегориях живу.
Алхимики когда-то из свинца пытались золото добыть.
Кто хочет быть поэтом – верит в это.

СОДЕРЖАНИЕ

4	Предисловие <i>Д. Ивашинцов</i>	27	Две скрипки...
5	Адам и Ева	28	Души волнение – мелководе...
6	Белая берёза...	29	Если б я жила, где хотела...
7	Бессонница	30	Если кто-то узнал или понял...
8	Блаженный день...	31	Если б у жабы была прыгучесть...
9	Бумаги лист!	32	Жизнь – непрошенный подарок...
10	Была бы воля моя...	33	Журавли прокричали...
11	Было ли это? Был ли тот дом...	34	Заката роскошь и утрата...
12	В Космосе времени нет...	35	Зима, свой минус прикрывая снегом...
13	В надежде на случайность...	36	Игра и правда...
14	В поэзии нет правды...	37	Каждая осень – новая грусть...
15	В природе благодать...	38	Как завораживает стих?
16	В пространстве жизненном...	39	Как не писать?
17	В реке змеились струи...	40	Как страшно полюбить...
18	В сумеречной тишине...	41	Картины Босха вмещают мир...
19	«И я зову Луну в своё окно ночное...	42	Клапан открылся, кровь полилась...
20	Взаимность чувств...	43	Когда мрачна с утра...
21	Вон там сидела незнакомка...	44	Когда при встрече много печали...
22	Всё пропадёт в моём окне...	45	Когда ужи уползли...
23	Где мои милейшие подруги?	46	Красное вино в прозрачном бокале...
24	Горит свеча...	47	Кривая линия дорог...
25	Звезда блистательна во тьме...	48	Лицо моё бережёт харизму...
26	Два серебряных бокала...	49	Луна давно не появлялась...
		50	Мечется месяц в мелкой воде...
		51	Мечта растворяется в дымке...
		52	Мною он был болен, не мною...

53 Над вымыслом расплакаться легко...
54 Наука о времени
55 Не было рук у мечты...
56 Не я ли брела, не глядя под ноги...
57 Нити прошлого мотаю в клубок...
58 Ночью крутишься в кровати...
59 Обида свернулась в кольцо...
60 Облаком иль тучей...
61 Меня обманывают люди...
62 Он любовь презирал...
63 Я пишу письмо в глухомань...
64 Предчувствия дразня...
65 Она хотела умереть...
66 Осенний сброс...
67 Открыло лицо своё Зло...
68 Отшелестела осень...
69 Охранный колокол забил тревогу...
70 Пастух, державшийся за посох...
71 Переливы настроения...
72 Печали жаль...
73 Писать на бумаге...
74 По кладбищу прокладываю путь...
75 Половина луны, половина сна...
76 Постарайся уснуть...
77 Поток как взрыв...
78 Преддверье творенья –
79 Прибило к берегу души...
80 Приснилась длинная лодка...
81 Где ангелы имеют свой приют?
82 Ах! Прожитые годы!
83 Пространство кривится...

84 Простушкой незлобливой...
85 Разбуженный бутон...
86 Река перемен изогнулась...
87 Голый торс, волос волна...
88 С моей бессонницей...
89 Сквозь музыку листвы...
90 Скоро Вечность...
91 Слова...
92 Слово «Вечность»...
93 Снился мне сад...
94 Со следами бывшего...
95 Струны памяти любви...
96 Судьба, как художник...
97 Сулила ли жизнь Вечный Май...
98 Творит поэзию Природа...
99 Телами овладели друг у друга...
100 Ты проехала по мне...
101 Ты собака, я человек...
102 У ангела нет перстов...
103 У глаз моих...
104 Хмурым осенним утром...
105 Чертополох...
106 Что с тобою, мой милый?
107 Я летаю на границе...
108 Я тихо по облаку шла...
109 Я для земли своя, не зря...
110 Когда чувствительность...
111 Осень приходит ...
112 Чистым звуком...

113 Приложение

В издательстве «Алетейя» вышли в свет книги:

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:**

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»

Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 (с 10:00 до 22:00)

8 (812) 273 50 53 www.podpisnie.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ВСЕ СВОБОДНЫ»

Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 (с 12:00 до 22:00)

8 (911) 977 40 47 www.vse-svobodny.com

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ»

Санкт-Петербург, Невский пр., 66 (с 10:00 до 22:00)

8 (812) 640 44 06 www.lavkapisateley.spb.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «СЛОВО»

Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 (с 11:00 до 20:00)

8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00 www.slovo.net.ru

ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177»

Санкт-Петербург, Невский пр., 177 (с 10:00 до 20:00)

8 (812) 643 77 43 www.vk.com/dpcspbe

В МОСКВЕ:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА»

Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 (с 09:00 до 24:00)

8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17 www.moscowbooks.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»

Москва, Малый Гнездиковский пер., 12/27 (с 11:00 до 20:00)

8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21 www.falanster.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ЦИОЛКОВСКИЙ»

Москва, Пятницкий пер., 8 (с 11:00 до 22:00)

8 (495) 951 19 02 www.primuzee.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БУКВЫШКА»

Москва, ул. Мясницкая, 20 (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00)

8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60 www.bookshop.hse.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «БИБЛИО-ГЛОБУС»

Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1 (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00)

www.biblio-globus.ru

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «У КЕНТАВРА»

Москва, ул. Чаянова, 15 (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00)

8 (495) 250-65-46 www.rsuh.ru/kentavr

А л л а И в а ш и н ц о в а

САМОСТЬ

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

И 241

Алла Ивашинцова

И 241 Самость. – СПб.: Алетейя, 2022. – 172 с.: ил.

ISBN 978-5-00165-497-1

Автор этой книги – петербургская поэтесса и художница, член Международной ассоциации «Русская культура», член Международной ассоциация художников – потомков дворянских родов. Алла всегда писала стихи от руки. В какой-то момент, приблизительно полтора года назад, рядом со стихами стали рождаться графические образы. Листы накапливались, выкладывались в интернете, обрастали откликами читателей. В конце концов кто-то предложил собрать их в альбом, что мы и сделали.

ISBN: 978-5-00165-497-1

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Алла Ивашинцова, 2022

© Дмитрий Ивашинцов, составление, предисловие, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

ЭЛЕКТРОННЫЕ КНИГИ:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru

ЛИТРЕС www.litres.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МОСКВА» www.moscowbooks.ru

OZON www.ozon.ru

NATASHA KOZMENKO BOOKSELLERS www.nkbooksellers.com

ESTERUM www.esterum.com

БУКВОЕД www.bookvoed.ru

ЧИТАЙ ГОРОД www.chitai-gorod.ru

MY-SHOP.RU www.my-shop.ru

КНИЖНЫЙ БУМ www.academbook.com.ua

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Дизайн И. Н. Граве

16+

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,

e-mail: fempro@yandex.ru,

Савкина Татьяна Михайловна

192029, г. Санкт-Петербург,

пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:

e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 21.

Печать цифровая. Тираж 300 экз.

Заказ №